

МІСЛО
МАНИ
ІЗ
НАНІ
КА

ШИМУН ВРОЧЕК

ВОЙНА-56

КНИГА 1. ЗОВ ЛАВКРАФТА

18+

БУДЬ СЧАСТЛИВИМ. БУДЬ РАДОСТНИМ.
ЖДИ ПРИХОДА ЧУДОВИЩА.

Сломанный миф. Изнанка

Шимун Врочек

Война-56. Книга 1. Зов Лавкрафта

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Врочек Ш.

Война-56. Книга 1. Зов Лавкрафта / Ш. Врочек — «Эксмо»,
2022 — (Сломанный миф. Изнанка)

ISBN 978-5-04-170786-6

1956 год. В районе Северного полюса пропадают подводные лодки. Люди по всему миру сходят с ума от страшных снов. Древнее и ужасное существо просыпается в ледяных глубинах океана. В происходящем пытаются разобраться советский капитан Синюгин, бывший командир роты спецназа, и Шон Коннери, агент британской разведки с правом на убийство. Новый роман писателя-фантаста Шимуна Врочека, сочетающий в себе элементы альтернативной истории, боевика и хоррора. «Война-56. Зов Лавкрафта» — первая книга цикла. Конец света в натуральную величину, или когда атомная бомба — наш единственный шанс на выживание. Книгу оценят по достоинству любители творчества таких авторов, как Том Кленси, Г.Ф. Лавкрафт и Юлиан Семенов. Лавкрафт прав — Ктулху существует.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-170786-6

© Врочек Ш., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	22
Глава 2	30
Глава 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Шимун Врочек

Зов Лавкрафта

© Врочек Ш., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Бобби перегнулся через стойку, чтобы его никто не слышал.
– Вы только не шарахайтесь, – сказал он. – Пусть вас не смущает
размах. Нужно дерзать, Том. Давайте напишем с вами конец света. – Он
выдержал паузу. – В натуральную величину.*

– Ого.

– Ничего не «ого». Вот слушайте.

Эрнест Хемингуэй, «Острова в океане»

Убедитесь в том, что велосипед подходит вам по размеру.

Убедитесь в том, что вы умеете управлять велосипедом.

*Перед остановкой убедитесь в том, что у вас свободна хотя бы
одна нога.*

Руководство по эксплуатации велосипеда

Пролог

Высокий прыжок

Охренеть можно, думает старшина второй статьи Григорьев, глядя на гранату, которая только что (прямо, блин, щас!) выкатилась к его лицу. Граненая шишка, металлический шар в геометрически правильной фасовке каналов, лежит на расстоянии вытянутой руки: в принципе, можно дотянуться и прижать рычаг – только толку, увы, никакого. Насколько помнит старшина, а помнит он обшарпанный стенд с плакатом: граната ручная Ф-1, вскрытая по оси симметрии; кольцо, пороховой заряд, рычаг, выдернуть и прижать, радиус поражения двести метров, надпись химическим карандашом «Костя – дегенерат» и стрелка к запалу, похожему на зеленый член в разрезе, – у него осталось секунды три. Потом долбанет так, что мало не покажется.

Два, считает старшина. В ту же секунду пол вздрагивает и слышен потусторонний жуткий скрежет. Это еще не граната. Это означает, что железная коробка, по недоразумению именуемая подводной лодкой «К-3», опять задела край полынни легким корпусом.

Правее Григорьева в ожидании кровавой бани лежит «тарищ адмирал флота». Лицо у него белое, как простыня на просушке. Он выдыхает пар и смотрит. Видно, что перспектива превратиться в тонкий слой рубленого мяса, равномерно размазанный по отсеку, прельщает его не больше, чем простых матросов.

Судя по комплекции товарища адмирала – фарш будет с салцом.

Григорьев еще немного думает, потом подтягивает свои семьдесят килограммов на руках и укладывает животом на гранату. Еще один способ почувствовать себя полным идиотом. Граната упирается в желудок, холодит брюшные мышцы – это действует как слабительное. Старшина сжимает задницу, чтобы не обделаться. Страшно до чертиков. Почему-то, как назло, ничего героического в голову не приходит, а из хорошего вспоминается только белый лифчик, обшитый гипюром. Дальше лифчика воображение не заглядывает, хотя явно есть куда. Обидно.

Один, считает старшина.

237 дней до

– Страшно, товарищ адмирал. У них лица живые.

До Васильева не сразу доходит.

– Что?

В трюме подлодки пляшут лучи фонарей. Маслянисто-черная жижа хлупает под ногами – воды не так много, видимо, экипаж успел задраить поврежденные отсеки и умирал уже от удушья.

Семь лет. Васильев идет за лейтенантом, который говорил про лица. Пропавшая без вести «С-18». Лодка в открытом море получила отрицательную плавучесть и легла на дно – если бы не это, у моряков оставался бы шанс. Всплыть они не смогли, хотя насосы главных цистерн еще работали и электроэнергия была. Проклятое дно держало, как присоска.

– Товарищ адмирал!

Луч фонаря выхватывает из темноты надпись на столе. Царапины на мягком алюминии сделаны отверткой – она лежит рядом.

«Будь прокляты те, кто научил нас пользоваться ИДА».

Рядом сидит, прислонившись к койке, человек в черной робе. На нем аппарат искусственного дыхания. Теперь адмирал понимает, что означает надпись. Лодку нашли спустя семь

лет после гибели – а неизвестный матрос до последнего ждал спасения. Они стучали в переборки, чтобы подать сигнал спасателям. Они пытались выйти через торпедные аппараты. Глубина почти триста метров – значит, шансов никаких. Но они продолжали надеяться – и продолжали агонию.

Если бы тогда, в пятьдесят втором, лодку удалось найти, думает Васильев. Черт.

Ничего. Не было тогда технических средств для спасения экипажа «С-18». Ее и сейчас-то удалось поднять с огромным трудом, чуть ли не весь Северный флот подключили...

Под ногами плещется вода с дизтопливом и нечистотами. Адмирал прижимает платок к носу.

«Будь прокляты те...»

Лейтенант резко останавливается – Васильев едва не втыкается ему в спину.

– Что?

Лейтенант присаживается на корточки и переворачивает очередное тело. Светит фонарем. Потом лейтенант смотрит вверх, на Васильева, и говорит:

– Видите, товарищ адмирал?

Васильев смотрит и невольно отшатывается.

Молодой безусый матрос – из какой-то русской глубинки. Русые волосы в мазуте. Адмирал чувствует дурноту: матрос уже семь лет как мертв, но у него розовое лицо с легким румянцем и никаких следов тления.

Он выглядит спящим.

146 дней до

Подводникам положены жратва от пуза и кино пять раз в неделю. А еще им положено отвечать на идиотские вопросы начальства.

– Объясните мне, мать вашу, как можно погнуть перископ?!

– Легко, – отвечает командир.

Григорьев, наделенный сверхчеловеческим чутьем, делает шаг назад и оказывается за колонной. Это перископ в походном положении. Отсюда старшина все видит и слышит – или ничего не видит и не слышит, в зависимости от того, как повернется ситуация. Судя по напряженным спинам акустика и радиста, они пришли к такому же решению.

– Так, – говорит Васильев и смотрит на капитана Меркулова. Старшину он не замечает.

– Я понимаю, – ядовито продолжает адмирал, – что вам перископ погнуть – нефиг делать, товарищ каперанг. Но мне все же хотелось бы знать, как вы это провернули?

– Очень просто, – говорит Меркулов невозмутимо. Потом объясняет товарищу адмиралу, что наши конструкторы, как обычно, перестарались. Заложенные два реактора (вместо одного, как у американцев на «Наутилусе») дают избыточную мощность, и лодка вместо расчетных 25 узлов подводного хода на мощности реактора 80 % выжимает все 32.

– Разве это плохо? – говорит Васильев.

– У вас есть автомобиль, товарищ адмирал?

Васильев выражает вежливое недоумение: почему у представителя штаба флота, заслуженного подводника, члена партии с тысяча девятьсот тридцать девятого года, не должно быть автомобиля?

– Представьте, товарищ адмирал флота, – говорит Меркулов, – стоите вы на переезде, и тут слева приближается гул, который переходит в рев, свист и грохот, а потом мимо вас на скорости шестьдесят километров в час проносится черная «дура» длиной в стадион и массой под четыре тыщи тонн.

Старшина Григорьев стремительно опупевает, но изображает невидимку. Этот спектакль покруче любого кино, и ему не хотелось бы лишиться места в первых рядах.

– Представили, товарищ адмирал? – спрашивает каперанг Меркулов. Васильев молчит, видимо, у него не такое живое воображение. «Ночевала тучка золотая, – некстати вспоминает старшина, – на груди утеса-великана».

На чело утеса-великана наплывает что-то явно тяжелее тучки. Такой грозовой фронт, что адмирал выглядит черным, как угнетенные жители колониальной Африки.

– Имеете в виду вашу лодку? – говорит адмирал наконец. Он уже произвел в уме нехитрые подсчеты, и все складывается: скорость тридцать узлов, длина больше ста метров и соответствующее водоизмещение. Не надо быть Эйнштейном, чтобы угадать в черной «дуре» лодку проекта 627.

– Имею в виду товарный поезд, товарищ адмирал флота. А теперь представьте, что ваша «Победа» высунула морду на рельсы... Вот поэтому перископ и погнули, – заканчивает Меркулов.

Даже школьного образования Григорьева достаточно, чтобы понять – какой-то логической сцепки тут не хватает. И тем более понимает это адмирал Васильев, у которого за плечами военно-морская академия. И вообще, этот каперанг его достал.

– Не понял, – говорит адмирал сухо.

– Вода, – объясняет Меркулов. – Поверхность. Я приказал поднять перископ, чтобы не идти вслепую. А удар на скорости оказался очень сильным, его и согнуло... Потом еле выпрямили, чтобы погрузиться. Эх, надо было делать запасной, как у американцев.

Каперанг говорит про «Наутилус» – первую подводную лодку с атомным реактором. Американцы успели раньше, еще в пятьдесят пятом. В том же году вышло постановление Правительства о создании советской субмарины с ядерным двигателем. Но только сейчас, спустя четыре года, «К-3» вышла на ходовые испытания. Первый советский атомоход.

Кстати, у «Наутилуса» действительно два перископа.

Зато можно сказать, что у Меркулова единственный профессиональный экипаж на весь Союз. Несколько лет подготовки – сначала на берегу, при Обнинской атомной станции, потом на макете лодки, а дальше на живой «К-3», на стапелях и в море. И никаких сменных призывов. Впервые на флоте весь экипаж набран по контракту – одни сверхсрочники и опытные матросы. Меркулов костыми лег, но выбил.

Проблем, конечно, все равно выше крыши.

Например, этот Васильев, больше известный как Дикий Адмирал. Приехал смотреть результаты ходовых испытаний.

Ну что ж, каперанг Меркулов может результаты предоставить.

На скорости выше пятнадцати узлов гидролокатор бесполезен.

На скоростях выше двадцати узлов от вибрации болят зубы и выкручиваются болты.

На скорости тридцать узлов появляется турбулентность, про которую раньше на подлодках и не слыхали. Зато американские противолодочные корабли теперь «К-3» не догонят – силенок не хватит. Зато нас слышно на весь Мировой океан.

И вот тут мы погнули перископ, говорит Меркулов.

– Еще «бочки» эти дурацкие текут постоянно, – продолжает каперанг. Слушай, Дикий Адмирал, слушай. – На них уже живого места нет.

«Бочки» – это парогенераторы. Система трубопроводов первого и второго контуров реактора. Под высоким давлением «бочки» дают течь, уровень радиации резко идет вверх. Появляется аварийная команда и заваривает трубы. И так до следующего раза.

«Грязная» лодка, говорит Меркулов.

– А потом мы открываем переборки реакторного отсека, чтобы снизить в нем уровень радиации.

– Черт, – говорит адмирал. У него в глазах потрескивают миллирентгены. Васильев нервничает. – И получаете одинаковое загрязнение по всей лодке?

– Совершенно верно, – спокойно отвечает командир «К-3». – Ну, на то мы и советские моряки.

43 дня до

В кают-компании тепло и пахнет хорошим коньяком. Стены обшиты красным деревом, иллюминаторы в латунной окантовке. Мягкий свет плафонов ложится на стол, покрытый белой скатертью, и на мощный красивый лоб главнокомандующего ВМФ.

Главнокомандующий хмурится и говорит:

– Я сам командовал кораблем и прекрасно знаю, что ни один командир не доложит об истинном положении вещей. Если ему ставят задачу, он будет выполнять ее любыми правдами и неправдами. Поэтому ты, Меркулов, молчи! О готовности лодки послушаем твоих офицеров.

А что их слушать, думает командир «К-3», каперанг Меркулов. Мы тоже не дураки. На полюс идти надо, так что – пойдём. Лодка к походу готова. А говорить о неисправностях – только лишний раз подставляться... Выйдешь в море на нервах, да еще и ни черта не сделаешь.

Меркулов выслушивает доклады своих офицеров – на диво оптимистичные. Лодка готова, готова, готова.

Главнокомандующий расцветает на глазах. Как розовый куст в свежем навозе.

15 дней до

В надводном положении лодка напоминает серого кита: шкура пятнистая от инея, морда уродливая, характер скверный. Чтобы волнением не болтало, лодка принаитована тросами. Вокруг лодки – суровая северная весна: лед, ветер и черная гладь воды.

На китовой шкуре суетятся мелкие паразиты. Один из паразитов, тот, что повыше, вдруг открывает рот и поет, выпуская клубы пара:

*До встречи с тобою, под сенью заката
Был парень я просто ого-онь.
Ты только одна-а, одна виновата,
Что вдруг загрузила гармо-онь.*

У паразита – сильный наполненный баритон. С видимым удовольствием он повторяет припев:

*Ты только одна-а, одна виновата,
Что вдруг загрузила гармонь.*

– Кто это? – спрашивает Меркулов. Они со старпомом стоят на пирсе, наблюдают за погрузкой и курят. Бледный дым, неотличимый от пара, улетает в серое небо.

– Не знаю, – говорит кап-три Осташко. – Эй, Григорьев! – Старшина оборачивается. – Кто это поет, не знаешь?

Григорьев знает, но отвечать сразу – отдавать по дешевке. Младший командный состав должен знать себе цену. Поэтому старшина прикладывает руку к глазам, долго смотрит (но не так долго, чтобы командир устал ждать), потом изрекает:

– А, понятно. Это каплей Забирка, из прикомандированных. Он вообще худуший, соплей перешибить можно, но голоса-а – во! Ну, вы сами слышали, товарищ капитан...

И продолжают слышать, кстати.

*Весенние ветры умчались куда-то,
Но ты не спеши, подожди,
Ты только одна...*

– Спасибо, старшина. Можете идти.

– Есть.

Они выпускают дым, снова затягиваются.

– Что-то «пассажиров» мало, – говорит командир задумчиво. – Всего один остался. Куда остальные делись, интересно?

– Саша, так тебя это радовать должно! – не выдерживает старпом. Он знает, как Меркулов относится к штабным бездельникам, которые идут в поход за орденами и званиями. Обычно таких бывает до десятка. Они первые у котла, у «козла» и у трапа на выход при всплытии. Остальное время «пассажиры» дохнут со скуки и режутся в карты.

– Должно, а не радуется, – говорит Меркулов. – Пассажиры, Паш, – они как крысы, у них чутье звериное. Значит, в опасное дело идем. Или какая-то херня в море случится. Тьфу-тьфу-тьфу, конечно. Так что, Паша, будь другом – проверь все сам до последнего винтика. Что-то у меня на душе беспокойно.

– Сделаем, командир.

Еще одна затяжка.

– Товарищ командир, смотрите! – вдруг кричит Григорьев издалека и на что-то показывает. Командир со старпомом поворачиваются. Сперва ничего не понимают. Потом видят, как по дорожке к пирсу, торопясь и оскальзываясь, спускается офицер в черной флотской шинели. В свете дня его обшлага отсвечивают тусклым золотом. Что-то в офицере есть очень знакомое – и не очень приятное.

– Это Дикий Адмирал, – узнает старпом наконец.

Пауза.

– Накаркали, – говорит Меркулов с досадой и сплевывает.

14 дней до

Дикому Адмиралу никто особо не рад. Он это чувствует и начинает злиться. А когда начальство злится, оно ищет повод придрасться, наорать, наказать и тем самым утвердить собственное эго.

– Что это было? – спрашивает Васильев мягко и зловеще.

Но, в общем-то, не на того нарвался. Командир электромеханической боевой части инженер-капитан второго ранга Волынцев Борис Подымович. Заменить его нечем, поэтому «механик» откровенно наглеет:

– Внеплановая дифферентовка, товарищ адмирал.

Врет в глаза, сукин кот, думает Меркулов, но молчит. Сзади раздаются смешки, которые тут же стихают. Вообще-то, механик на самом деле дал маху, но адмиралу об этом знать не обязательно. Подумаешь, задрали корму и накренили лодку вправо. Внеплановая дифферентовка, и пошел ты на фиг.

Васильев молчит. Этот раунд он проиграл.

Адмирал ищет, на ком бы еще сорвать злость. На глаза ему попадается вахтенный журнал, Васильев листает его в раздражении.

– Почему в вахтенном журнале бардак?! – спрашивает он наконец. – Старший помощник, это что, боевой корабль или богадельня?!

Офицеры лодки переглядываются.

– Бордель, товарищ адмирал! – отвечает старпом.

Старпому нельзя терять лицо перед экипажем. Поэтому он начинает дерзить.

– Так, – говорит Васильев зловеще.

К несчастью, кап-три Осташко забыл, что незаменимых старпомов не бывает. Сместить «механика» адмирал не может, потому что некому будет управлять механизмами и погружением, старпом же – другое дело.

Следует мгновенная и жестокая расправа.

– Записать в вахтенный журнал! – командует адмирал. – Приказываю отстранить старшего помощника Осташко от исполнения служебных обязанностей. – Адмирал очень хочет добавить «отстранить на хрен», но такое обычно не заносят в официальные документы. – Принимаю командование на себя. Обязанности старпома возлагаю на командира лодки. Руководитель похода адмирал флота Васильев... Дай, подпишу.

Неуязвимый «механик» хмыкает. Васильев смотрит на него в упор, но ничего не говорит. Сейчас адмирал напоминает хищника моря, огромную белую акулу с кровью на челюстях.

С хрустом перекушенный, старпом бьется в судорогах; потом, бледный как наволочка, уползает в угол и садится. Руки у него дрожат. Это, скорее всего, конвульсии умирающего. А ведь был хороший моряк, думает Меркулов с сожалением.

Потом открывает рот – неожиданно для себя.

– Товарищ адмирал, разрешите вопрос. Зачем нам ядерные торпеды?

13 дней до

Считается, что спиртное – лучшая защита от радиации. Поэтому лодка несет громадный запас белого сухого вина. К «алиготе» прилагаются апельсины, ярко-оранжевые, как Новый год в детском саду. На человека в день положено сто граммов – это немного. Поэтому офицеры скидываются и организуют «черную» кассу – и на эти деньги забивают холодильник в офицерской кают-компании. Чтобы водка была; и была холодная.

Меркулов смотрит на «Саратов» долгим взглядом. Потом пересиливает себя и идет в центральный. Там его уже ожидает радист.

– Получена радиограмма, товарищ командир. От главного энергетика проекта Шаталова.

– И что? – говорит Меркулов.

– «Ознакомившись с техническим состоянием «К-3», категорически требую запретить выход лодки в море». Подпись, дата.

Меркулов усмехается.

– Поздно. Уже вышли. – Поворачивается к старпому, понижает голос: – Вот оно: высокое искусство прикрывать задницу – учишь, Паша.

Через полчаса радист опять докладывает:

– Радиограмма из штаба флота. Товарищ командир, «Наутилус» вышел в море. По данным разведки: американцы готовились в дальний поход. Возможно, целью является...

Твою мать, думает Меркулов.

– Полюс? Они вроде там уже были?

– Так точно: полюс, – говорит радист. – Нам приказано: идти в боевой готовности, на провокации не поддаваться. В случае контакта с американцами действовать по обстановке. Подпись: Главком ВМФ, дата: сегодня.

Меркулов поворачивается и смотрит на Васильева. Тот нисколько не удивлен.

По обстановке значит, думает Меркулов. Что-то ты уж больно спокоен, адмирал. С нашими-то тремя торпедами.

Две обычные «Т-5» с атомными зарядами.

И одна «Т-15», чудовищная штука в 27 метров длиной, с водородной бомбой в две с половиной мегатонны. Эта штука проходит через три отсека и упирается в центральный пост.

По замыслу конструкторов, такой торпедой можно поразить крупный военно-морской порт противника.

По данным разведки флота, таких портов во всем мире – два. Два! И ни один не имеет стратегического значения.

Тем не менее сейчас подлодка идет к полюсу с полным ядерным боезапасом. И туда же идет штатовский «Наутилус».

Забавно, думает каперанг.

5 дней до

За бортом – белое крошево; черная вода, в которой плавают куски пенопласта. Это паковый лед. Полынья напоминает суповую тарелку с широкими выщербленными краями. Григорьев ежится – ему даже смотреть на это зябко. Старшину перевели в экипаж с Черноморского флота, поэтому на севере он банально мерзнет. Хотя и родом с Урала.

Морозный воздух обжигает легкие.

Рядом стоит капитан-лейтенант Забирка – фамилия смешная, да и сам тоже, но парень хороший. И совсем не похож на «пассажира». Ребятам Забирка нравится.

Открыли люки, чтобы проветрить внутренние отсеки. Теплый радиоактивный воздух поднимается вверх; вокруг лодки клубится белый туман.

Из дверей рубки, в облаке пара, возникает Дикий Адмирал. Васильев нарочито медлит, хотя старшина видит, как в его глазах щелкают миллирентгены. Старшина вспоминает шутку времен начала службы. «А свинцовые трусы ты себе уже купил?» Некоторые ломались. Интересно, Васильев бы сломался? Адмирал отчаянно боится радиации – но пока держится и даже пьет не больше других.

Забирка сдвигается; адмирал встает к ограждению, резко вдыхает, жадно оглядывается, словно пытается надышаться чистым, без альфа- и бета-частиц, воздухом на год вперед. Ну, по крайней мере, до следующей полыньи.

Налетает ветер и сносит туман в сторону. «К-3» покачивается под порывами.

Васильев рефлекторно вцепляется в леер.

Волнение слабое, но лодку бултыхает в полынье, как дерьмо в проруби.

– И якоря у нас тоже нет, – говорит Меркулов за спиной адмирала и исчезает в люке прежде, чем тот успевает ответить. Васильев скрипит зубами и беззвучно матерится. За последние дни отношения между проверяющим из штаба и командиром «К-3» испортились окончательно. Старшина делает вид, что ничего не заметил.

Из-за туч выныривает солнце и освещает все, как прожектором.

3 дня до

– Акустик, пассивный режим.

– Есть пассивный режим.

Командир часами лежит на полу, смотрит в перископ. Тот выдвинут едва-едва, чтобы не задеть ледовый пласт, поэтому окуляр находится у самого пола. Меркулов ищет просвет для всплытия. Потом его сменяет старпом, каперанг выпрямляется, хрустит суставами, идет курить. Адмирал появляется в центральном посту все реже. Отсиживается в кормовом отсеке. Кто-то сказал Васильеву, что там радиация полегче. В принципе, это правда – кормовой отсек дальше всего от реакторного.

– Ну что?

– Ничего, товарищ капитан.

Море безмолвствует. Конечно, море полно шумов, это любой акустик скажет – но нет звука чужих винтов. А это самое главное. Старпом перебрасывается фразами с заместителем.

– Теоретически им нас не догнать, – говорит заместитель об американцах.

– А практически?

– А практически мы их не услышим.

– Шумы, – говорит акустик. – Слышу...

– Что? – выпрямляется старпом. – Что слышишь?

Лицо акустика в напряжении. На лбу выступает капля пота, бежит вниз.

– Блин, – говорит вдруг акустик. – Простите, товарищ капитан. Будто дышит кто.

– Что еще? – старпом отбирает наушники, вслушивается в море. Сперва ничего не разбирает, кроме гула и отдаленного звука винтов – это собственный шум «К-3». Потом слышит далекий смех. Потом – глубокий мужской голос на фоне гула океана.

*Весенние ветры умчались куда-то,
Но ты не спеши, подожди-и,
Ты только одна-а, одна виновата,
Что так беспокойно в груди-и.*

– Блин, – говорит старпом. Потом командует: – Отставить песню! Дайте мне радио.

– Не надо.

Старпом оборачивается и видит Меркулова, который уже покурил, поел, выспался и успел побриться. Подбородок каперанга сияет чистотой. Старпом мимоходом завидует свежести командира, потом смотрит вопросительно.

– Хорошая песня, – поясняет Меркулов. – Хорошо поет. Акустик, активный режим.

– Есть активный. – Акустик включает гидролокатор. Слышен тонкий импульс сигнала. Меркулов открывает люк в переборке, то же самое делают в остальных отсеках. Теперь голос слышен без всяких наушников.

*Ты только одна-а, одна виновата,
Что так беспокойно в груди-и.*

2 дня до

На краю суповой тарелки лежит, замороженная в лед, огромная атлантическая селедка, густо посыпанная крупной белой солью.

– Блин, – говорит старпом. Похоже, словечко привязалось.

Характерная форма рубки и леерных ограждений. До боли знакомые обводы легкого корпуса. Такие очень... очень американские.

– «Наутилус», – говорит Меркулов, сам себе не веря. – Чтоб меня, это же «Наутилус»!

Прибегает мичман-дозиметрист и докладывает:

– Фонит, тарих командир. Почти как в активной зоне. Может, у них реактор вразнос пошел? Они, наверное, всплыли по-быстрому, их как пробку выбросило – и на лед!

Глаза у мичмана покрасневшие и гноятся. От радиации у половины экипажа – конъюнктивит и экзема. Несколько человек на грани слепоты. Грязная лодка, очень грязная, думает каперанг. Хотя у американцев дела не лучше. У них дела, если честно, совсем плохи.

– Как лодка называется? Опознали?

– Нет, товарищ командир. Там только бортовой номер: пять-семь-один.

Номер «Наутилуса». Значит, я не ошибся, думает каперанг. Но что, черт возьми, тогда с ними случилось?

– Сменить одежду, – приказывает Меркулов. – В лодку не заходить, вам сюда принесут – ничего, не замерзнете. Потом отогреетесь. Личные дозиметры – на проверку. Молодцы, ребята. И получить двойную порцию водки. Все, бегом.

– Есть!

Появляется Васильев. С минуту смотрит на тушу американской лодки, потом протирает глаза. У него зрение тоже садится – или адмирал очень удивлен.

Или все разом.

– Блин, – говорит Дикий Адмирал. В этом Меркулов с ним солидарен. – Нашли кого-нибудь?

– Еще нет. Пока не искали. Старпом!

Осташко о чем-то беседует с комиссаром лодки. В этот раз «К-3» поставили вплотную к кромке льда и опустили носовые рули глубины – как трапы. Несколько матросов выглядят на белом фоне, словно вороны на снегу.

– Старпом! – повышает голос Меркулов. Осташко оборачивается. – Паша, возьми людей, возьми автоматы из оружейки. Осмотритесь здесь вокруг. К «Наутилусу» не лезть. Давай, может, кого найдете. Только дозу не забудь измерить. Ну, с богом.

– Понял, – отвечает старпом.

Меркулов поворачивается к Васильеву.

– На твоём месте, – говорит адмирал тихо, – я бы приказал стрелять в любого, кого они обнаружат.

Каперанг надменно вскидывает подбородок. Взгляд его становится тяжелым, свинцовым. Слова чеканятся, как зубилом по металлу.

– Вы что-то знаете?

Адмирал поводит головой, словно воротник кителя натер ему шею.

– Дело твое, – говорит Васильев наконец. В его глазах – непрерывный треск сотен счетчиков Гейгера. – Твое, каперанг. Только не пожалей потом, ладно?

Меркулов молчит.

Ты только одна-а, одна виновата...

1 день до

– Ктулху, – говорит американец. Он уже должен был загнуться от лучевой болезни, но почему-то не погибает. Только глаза жутко слезятся; огромные язвы – лицо Рокуэлла выглядит пятнистым, как у леопарда. Еще у него выпадают волосы – но при той дозе, что схватил американец, это вообще мелочи.

– Простите? – говорит Меркулов. Он плохо знает английский, но в составе экипажа есть Константин Забирка, который английский знает хорошо. Так что, в общем-то, все друг друга понимают. Кроме моментов, когда американец заводит разговор о Ктулху.

– Говард Лавкрафт, – продолжает американец, – умер в тридцать седьмом. А мы ему не верили.

Ему самому тридцать два. Его зовут Сэм Рокуэлл. Он лейтенант Военно-морского флота США. Еще он совершенно лысый и слепой от радиации.

Близко подойти к «Наутилусу» Меркулов не разрешил. Дорого бы он дал за вахтенный журнал американцев, но... Но. Рассмотрели лодку со всех сторон из биноклей. На правом

борту, рядом с рубкой, обнаружились странные повреждения – словно кто-то вырвал кусок легкого корпуса и повредил прочный. Пробоина. Видимо, столкновение? Или удар?

– Да, да, – говорит американец. – Мы закрыли отсек. Потом полный ход. Искали, где подняться наверх. Да, да.

– У вас есть на борту ядерное оружие? – спрашивает Меркулов. – Переведи ему.

Забирка переводит – странно слышать чужие слова, когда их произносит этот глубокий красивый голос.

Американец молчит, смотрит на каперанга. Через желтоватую кожу лица просвечивает кость.

– Дайте ему водки. И повторите вопрос.

– Да, – говорит Рокуэлл, лейтенант Военно-морского флота США. – Мы собирались убить Ктулху. Вы слышали про операцию «Высокий прыжок»? Сорок седьмой год, адмирал Ричард Бёрд. С этого все началось...

12 часов до

Ростом с гору. Так написал Лавкрафт. Еще он описывает, как люди с повышенной чувствительностью – люди искусства, художники, поэты – видели во снах некое чудовище и сходили с ума. От таких снов можно чокнуться, мысленно соглашается Меркулов, вспоминая огромный, затянутый туманом город, от которого словно веяло потаенным ужасом. Невероятные, циклопические сооружения, сочащиеся зеленой слизью. И тени, бродящие где-то там, за туманом, – угадываются их нечеловеческая природа и гигантские размеры. Ростом Ктулху «многие мили». Капитан автоматически пересчитывает морскую милю в километры и думает: очень высокий. Охрененно высокий.

Долбанутые американцы. Не было печали.

Меркулов с облегчением выглатывает водку и зажевывает апельсином. Желудок обжигает – водка ледяная. Потом каперанг убирает бутылку в холодильник, идет бриться и чистить зубы. Командир на лодке должен быть богом, не меньше, – а от богов не пахнет перегаром.

– Слышу «трещотку», – говорит акустик. – Какой-то странный рисунок, товарищ командир.

Меркулов прикладывает наушники, слушает. На фоне непрерывного скрежета, треска и гула – далекий гипнотический ритм: тум-ту-ту-тум, ту-ду. И снова: тум-ту-ту-тум, ту-ду. Мало похоже на звуковой маяк, который выставляют полярники для подводных лодок. К тому же, насколько помнит каперанг, в этом районе никаких советских станций нет.

– Это не наши.

– Это мои, – говорит Васильев хриплым надсаженным голосом. Дикий Адмирал уже второй день пьет по-черному, поэтому выглядит как дерьмо. – То есть наши.

Но дерьмо, которое зачем-то выбрилось до синевы, отутюжилось и тщательно, волосок к волоску, причесалось. От Васильева волнами распространяется холодноватый запах хорошего одеколона. Интересно, на кой черт ему это нужно? – думает командир «К-3» про попытку адмирала выглядеть в форме.

– Что это значит? – Меркулов смотрит на адмирала.

– Это значит: дошли, каперанг. «Трещотка» обозначает нашу цель.

Цель? У командира «К-3» от бешенства сводит скулы.

– У меня приказ дойти до полюса, – голос звучит будто со стороны.

Адмирал улыбается. Это слащавая похмельная улыбка – Меркулову хочется врезать по ней, чтобы превратить улыбку в щербатый окровавленный оскал. В этот момент он ненавидит адмирала так, как никогда до этого.

Это *мой* экипаж, думает Меркулов. *Моя* лодка.

– На хрен полюс, – говорит Васильев добродушно. – У тебя, каперанг, другая задача.

8 часов до

Подводный ядерный взрыв, прикидывает Меркулов.

Надо уйти от гидроудара. Сложность в том, что у «К-3» только носовые торпедные аппараты. После выстрела мы получим аварийный дифферент; то есть, попросту говоря, масса воды в несколько тонн хлынет внутрь лодки, заполняя место, которое раньше занимала торпеда-гигант. Лодка встанет на попа. Придется срочно продувать носовые балластные цистерны, чтобы выровнять ее. Если чуть ошибемся, «К-3» может выскочить на поверхность, как поплавок. А там лед. Вот будет весело. Даже если все пройдет благополучно и мы выровняем лодку вовремя, то еще нужно набрать ход, развернуться и уходить на полной скорости от ударной волны, вызванной подводным ядерным взрывом.

А там две тысячи четыреста килотонн, думает Меркулов. Охрененная глубинная бомба.

– Акустик, слышишь «трещотку»? Дай точный пеленг.

Акустик дает пеленг. Мичман-расчетчик вносит данные в «Торий». Это новейший вычислитель. Прибор гудит и щелкает, старательно переваривая цифры и цифры. Лодка в это время меняет курс, чтобы дать новые пеленги на цели – их тоже внесут в «Торий». Координаты цели, координаты лодки и так далее. Подводная война – это прежде всего тригонометрия.

Цель неподвижна – поэтому штурман быстрее справляется с помощью логарифмической линейки.

– Готово, командир.

Меркулов глазами показывает: молодец.

Полная тишина. Лодка набирает скорость и выходит на позицию для стрельбы. Расчетная глубина сто метров.

Вдруг динамик оживает. Оттуда докладывают – голосом старшины Григорьева:

– Товарищ командир, греется подшипник электродвигателя главного циркуляционного насоса!

Блин, думает Меркулов. Вот и конец. Мы же подо льдом. Нам на одной турбине перетяся черт знает сколько. А еще этот Ктулху, Птурху... хер его знает кто.

4 часа до

– Разрешите, товарищ капитан?

Григорьев проходит в кают-компанию, садится на корточки и достает из-под дивана нечто, завернутое в промасленную тряпку. Осторожно разворачивает, словно там чешская хрустальная ваза.

На некоторое время у кап-три Осташко пропадает дар речи. Потому что это гораздо лучше любого, даже венецианского стекла. Все золото мира не взял бы сейчас старпом вместо этого простого куска железа.

– Вот, товарищ капитан, он самый.

На ладонях у Григорьева лежит подшипник, который заменили на заводе. Запасливый старшина прибрал старую деталь и спрятал на всякий пожарный. Интересно, думает старпом, если я загляну под диван, сколько полезного там найду?

– Молодец, Григорьев, – говорит Осташко с чувством.

– Служу Советскому Союзу! – отчеканивает старшина. Затем – тоном ниже: – Разве что, товарищ капитан, одна закавыка...

– Что еще? – выпрямляется старпом.

– Мы на этом подшипнике все ходовые отмотали.

– И?

Старшина думает немного и говорит:

– А если он вылетит на хрен?

Короткая пауза.

– Тогда на хрен и будем решать, – говорит Осташко. – Все, работай.

1 час 13 минут до

– Товарищ командир, – слышится из динамика спокойный голос главного механика. – Работы закончены. Разрешите опробовать?

– Пробуй, Подымыч, – говорит командир. Не зря его экипаж дневал и ночевал на лодке все время строительства. Сложнейший ремонт выполнен в открытом море и в подводном положении. Только бы получилось! Только бы. Меркулов скрещивает пальцы.

– Нормально, командир, – докладывает динамик. – Работает как зверь.

Командир объявляет новость по всем отсекам. Слышится тихое «ура». Все, теперь ищем полыню, решает Меркулов.

22 минуты до

– Операция «Высокий прыжок» – в сорок седьмом году экспедиция адмирала Бёрда отправилась в Антарктиду. Целая флотилия, четырнадцать кораблей, даже авианосец был. На хера столько? – вот что интересно. С кем они воевать собирались? А еще интереснее, кто их там встретил – так, что они фактически сбежали, сломя голову. А адмирал попал в сумасшедший дом... А теперь смотри, каперанг, – говорит Васильев и пробивает апельсин отверткой насквозь. Брызжет желтый сок. Остро пахнет Новым годом. – Все очень просто, – продолжает адмирал. – Вот Южный полюс, о который обломал зубы адмирал Бёрд, вот Северный – рядом с которым пропадают наши и американские лодки. Короче, на этой спице, протыкающей земной шар, как кусок сыра, кто-то устроился, словно у себя дома. Нечто чудовищное.

Образ земного шара, проткнутого отверткой, отнюдь не внушает Меркулову оптимизма.

– За последние шесть лет пропало без вести восемь наших лодок, одна норвежская и три американские, – говорит адмирал. Он успел навестить холодильник, поэтому дикция у него смазанная. – Все в районе севернее семидесятой широты. Полярные воды. – Васильев замолкает, потом натужно откашливается. От него несет перегаром и чем-то застарело кислым. – Недавно мы нашли и подняли со дна «С-18», исчезнувшую семь лет назад. Там... тебе интересно, каперанг?

– Да, – говорит Меркулов.

Васильев, преодолевая алкоголь в крови, рассказывает каперангу, что было там. Его слушает весь центральный пост. Тишина мертвая.

Лодка сейчас на поверхности – они вернулись в ту же полыню, в которой всплывали днем раньше. Последняя проверка перед боем.

– У них лица живые, – заканчивает рассказ адмирал. Командир «К-3» молчит и думает. «С-18» получила повреждения, когда была на ходу в подводном положении. «Наутилус», по словам американца, заходил в атаку. Потом... что было потом?

Меркулов поворачивается к старпому:

– Ну-ка, Паша, тащи сюда американца.

17 минут до

– Уэл, – говорит американец тихо. Он сильно ослабел за последние часы.

– Хорошо, – переводит Забирка сильным красивым баритоном.

– Что ж, спасибо, лейтенант Рокуэлл. Спасибо. Все по местам! – Меркулов встает и поправляет обшлага на рукавах. В бой положено идти при параде. – Посмотрим, выдержит ли их империалистический Ктулху попадание советской ядерной торпеды.

Старпом и штурман дружно усмеваются.

– Нет, – говорит вдруг каплей Забирка. – Ничего не получится.

Сначала Меркулов думает, что это сказал американец, а Забирка просто перевел своим звучным голосом. Поэтому каперанг смотрит на Рокуэлла – но губы американца неподвижны, лицо выражает удивление. Потом командир «К-3» видит, как Забирка делает шаг к матросу-охраннику, и, глядя тому в глаза, берется за ствол «калаша». Рывок. Ничего не понимающий матрос тянет автомат на себя – и получает мгновенный удар в горло. Х-харх! Матрос падает.

Забирка поворачивается, оскалив зубы.

Худой, страшный. На левом глазу – белая пленка катаракты.

В жилистых руках, торчащих из черных рукавов, автомат кажется нелепым. Дурацкий розыгрыш, думает Меркулов. Как подводник, он настолько отвык от вида ручного оружия, что даже не верит, что эта штука может убивать.

Забирка улыбается. В этой улыбке есть что-то неправильное – каперанг не может понять, что именно, но ему становится не по себе. Двигается Забирка очень мягко, по-звериному.

Кап-три Осташко кидается ему наперерез.

Судя по звуку – кто-то с размаху вбивает в железную бочку несколько гвоздей подряд. Оглушенный, ослепленный вспышками, Меркулов щурится.

Старпом медленно, как во сне, заваливается на бок.

Все сдвигается. Кто-то куда-то бежит. Топот. Ругань, Крики. Выстрелы. Один гвоздь вбили, второй.

– Паша! – Меркулов опускается на колени перед другом. – Что же ты, Паша...

Лицо у кап-три Осташко спокойное и немного удивленное. В груди – аккуратные дырочки. На черной форме кровь не видна; только кажется, что ткань немного промокла.

13 минут до

– Водолазов ко мне! – приказывает Меркулов резко. Потом вспоминает: – Стоп, отставить.

Водолазы бесполезны. В обычной лодке их бы выпустили наверх через торпедные аппараты – но здесь, в «К-3», аппараты заряжены уже на базе. Конечно, можно было бы выстрелить одну торпеду в никуда. Но не с ядерной же боеголовкой!

Гром выстрела.

Пуля с визгом рикошетит по узкой трубе, ведущей в рубку. Все, кто в центральном посту, невольно пригибаются. Затем – грохот, словно по жестяному водосток упустили металлическую гайку.

Матрос ссыпается вниз, держа автомат одной рукой. На левой щеке у него длинная кровавая царапина.

– Засел в рубке, сука, – докладывает матрос. – И в упор, гад, садит. Не пройти, тарих командир. С этой дурой там не развернешься, – показывает на «калаш». Потом матрос просит: – Дайте мне пистолет, тарих комиссар, а? Я попробую его снять.

Комиссар лодки делает шаг вперед, расстегивая кобуру.

– У меня граната! – слышится голос сверху. Сильный и такой глубокий, что проходит через отсеки почти без искажений – только набирая по пути темную грохочущую мощь.

– Отставить! – приказывает Меркулов. Обводит взглядом всех, кто сейчас в центральном. Ситуация аховая. Сумасшедший Забирка (сумасшедший ли? диверсант?) держит под прицелом рубочный люк. Кто сунется, получит пулю в лоб. Скомандовать погружение, и пускай этот псих плавает в ледяной воде, думает командир «К-3». Эх, было бы здорово. Но нельзя, вот в чем проблема.

Не задраив люк, погрузиться невозможно, потому что затопит центральный пост. В итоге, понимает Меркулов, мы имеем следующее: один безумец держит в заложниках атомную лодку, гордость советского Военно-морского флота, и сто человек отборного экипажа. А еще у него есть «калаш», два рожка патронов и граната, которую он может в любой момент спустить в центральный отсек. Особенно забавно это смотрится на фоне надвигающегося из подводной темноты американского Ктулху.

– Гребаный Ктулху, – произносит Меркулов вслух.

– Аварийный люк, товарищ командир! – вскакивает матрос с автоматом. Громким шепотом: – Разрешите!

Секунду капитан медлит.

– Молодец, матрос, – говорит Меркулов. – За мной!

4 минуты до

Восьмой отсек – жилой. Здесь как раз лежит на койке старшина Григорьев, когда раздаются выстрелы. Теперь матросы и старшины, собиравшиеся отдохнуть, с тревогой ждут, что будет дальше. Руки у старшины замотаны тряпками – раскаленные трубы парогенератора находились очень близко, ремонтники постоянно обжигались.

Но ничего. Лишь бы разобраться с выстрелами.

Появляется командир лодки с пятью матросами. Все с автоматами, у Меркулова в руке пистолет. За ними в отсек вваливается адмирал Васильев – с запахом перегара наперевес, мощным, как ручной гранатомет.

– Раздраивай, – приказывает Меркулов.

Аварийный люк не поддается. Несмотря на ожоги, Григорьев лезет вперед и помогает. Механизмы старшину любят – поэтому люк вздыхает, скрежещет и наконец сдается. В затхлый кондиционированный воздух отсека врывается холодная струя.

Один из матросов отстраняет Григорьева, лезет наружу, держа автомат наготове. Тут же ныряет обратно, выдыхает пар. Звучит короткая очередь – пули взвизгивают о металл корпуса.

Матросы сыпаются вниз с руганью и грохотом.

Григорьев падает. Поворачивает голову и видит адмирала флота Васильева. У того лицо белое, как простыня.

– Я же предупреждал! – раздается знакомый голос. Звяк!

В следующее мгновение граненая металлическая шишка выпадает из люка сверху. Стучается об пол, отскакивает со звоном; катится, подпрыгивая и виляя, и останавливается перед Григорьевым прямо на расстоянии вытянутой руки.

Еще через мгновение старшина ложится на гранату животом.

Момент 0

Один, считает старшина.

В следующее мгновение боль ломиком расхреначивает ему ребра – почему-то с левой стороны. Еще через мгновение Григорьев понимает, что его пинают подкованным флотским ботинком.

– Слезь с гранаты, придурок! – орут сверху.

Еще через мгновение семьдесят килограммов старшины оказываются в воздухе и врезаются в стену. Каждый ее сантиметр занят краниками и трубами, поэтому Григорьеву больно. Старшина падает вниз и кричит.

Пол снова вздрагивает. Только уже гораздо сильнее. Старшина открывает глаза – над ним склонился каперанг Меркулов с гранатой в руке. Кольцо в гранате, думает Григорьев, ах я, дурак.

Через открытый аварийный люк восьмого отсека льется дневной свет. Становится холодно.

– Ктулху фхтагн, – слышит старшина сверху. И не верит своим ушам. Ему невероятно знаком этот сильный красивый баритон – глубокий, как дно океана. Только в этом голосе сейчас звучит нечто звериное, темное. Этот голос пугает, словно говорит сама глубина.

– Пх'нглуи мглв'нафх Ктулху Р'льех вгах'нагл фхтагн. Но однажды он проснется...

Автоматная очередь. Крики.

– Ктулху зовет, – изрекает капитан-лейтенант Забирка. Его не видно, но голос разносится по всем отсекам. У Забирки автомат и гранаты, но он забыл, что нужно выдернуть кольцо. Капитан-лейтенант стремительно превращается в первобытное существо.

Адмирал Васильев встает на ноги и говорит Меркулову:

– Теперь ты понял, для чего нам ядерные торпеды?

Каперанг кивает. Потом выдергивает чеку, размахивается и кидает гранату через люк вверх, как камешек в небо.

– Ложись, – говорит командир «К-3». – Три. – Меркулов падает, закрывая голову руками.

Два, считает старшина. В ту же секунду пол вздрагивает, и слышен потусторонний жуткий скрежет.

Один, думает старшина.

Пять секунд после

По лодке словно долбанули погрузочным краном. От взрыва гранаты лодку прибивает к краю полыньи – скрежет становится невыносимым. Матросы зажимают уши. Каперанг вскакивает, делая знак матросам – вперед, наверх! Если этот псих еще жив – его нужно добить. Поднимает пистолет. «Черт, что тут нужно было отщелкнуть?! А, предохранитель...»

Вдруг динамик оживает:

– Товарищ командир, рубочный люк задраен!

Сперва Меркулов не понимает. Потом думает, что это хитрость. Забирка каким-то образом пробрался в центральный и захватил лодку.

– Кто говорит?

– Говорит капитан-инженер Волынцев. Повторяю: рубочный люк задраен.

– Очень хорошо, центральный, – каперанг приходит в себя. – Всем по местам! – командует Меркулов. – Срочное погружение!

Пробегает в центральный пост. Там лежат два тела в черной форме: сердце колет ледяной иглой, Паша, что же ты... А кто второй?

Посреди поста стоит «механик» Волынцев с рукой на перевязи. Лицо у него странное, на лбу – огромный синяк.

Вторым лежит Рокуэлл, лейтенант Военно-морского флота США, с лицом, похожим на шкуру пятнистого леопарда. Глаза закрыты. На черной робе кровь не видна; только кажется, что ткань немного промокла.

– Вот ведь, американец, – рассказывает «механик». – Забрался наверх и люк закрыл. Я ему кричу: слазь, гад, куда?! Думал, убежать штатовец хочет. А он меня – ногой по морде. И лезет вверх. – Волынцев замолкает, потом говорит: – Люк закрывать полез, как оказалось. Герой, мать вашу.

Топот ног, шум циркуляционных насосов. Лодка погружается без рулей – только на балластных цистернах.

– Осмотреться в отсеках!

– И ведь закрыл, – заканчивает Волынцев тихо, словно не веря.

– Слышу, – говорит акустик. Лицо у него побелевшее, но сосредоточенное. – Цель движется. Даю пеленг...

– Боевая тревога, – приказывает Меркулов спокойно.

– Приготовиться к торпедной атаке. Второй торпедный аппарат – к бою.

Ладно, посмотрим, кто кого, думает каперанг. «Многие мили» ростом? Что же, на то мы и советские моряки...

*В колхозном поселке, в большом и богатом,
Есть много хороших девча-ат,
Ты только одна-а, одна виновата,
Что я до сих пор не жена-ат.*

*Ты только одна-а-а, одна виновата,
Что я до сих пор не жена-ат.*

Глава 1

Magnesium monster

Белые ледяные торосы. Поля белых ледяных торосов с высоты кажутся бесконечными. Зимний мир подминается под крыло, сверкая на солнце, как огромная рождественская игрушка. Ммммм. Ммммм. Гул двигателей, поскрипывание и вибрация сливаются в один звукоощущаемый поток; кажется, что скрип (так дом оседает, устраиваясь поудобнее в почве. Но в чем же тогда устраивается «Б-36»? В прозрачном леденцовом воздухе самолет елозит своей магниеводюралюминиевой задницей, несущей атомные бомбы, и все никак не может устроиться) капитан Гельсер слышит кожей, а ушами воспринимает зуд металла от работающих поршневых групп. Это особое ощущение. Ощущение пилота. Руки капитана свободно лежат на подлокотниках кресла; тем не менее штурвал иногда плавно поворачивается чуть влево, затем чуть вправо. Автопилот ведет двадцатитонную машину курсом на воздушное пространство Советов. До точки поворота экипажу делать нечего. Гельсер щурит глаза под темными очками и смотрит на часы. До поворота еще пятьдесят минут. Так?

Игрушечный гномик на панели качает головой.

Не-так, не-так, не-так.

Много ты знаешь, думает Гельсер. Восьмой час полета. Он выпрямляется и вскрикивает от боли. Черт. Это и значит: быть пилотом. У него опухли ноги и занемела спина, мочевого пузыря горячий и твердый, как нагретый солнцем булыжник; можно передать управление второму пилоту и пойти отлить, но тому еще спать двадцать семь минут. Не стоит его будить ради такой мелочи. Потерплю, думает Гельсер привычно. Чтобы отвлечься от давления в животе, он смотрит на давление масла в двигателях (норма, норма, почти норма, чуть ниже нормы... всего их шесть... и четыре добавочных турбовинтовых, которые включаются только в случае крайней необходимости, если вдруг придется драпать от истребителей Ивана... дай нам бог обойтись без этого), потом на бортовой термометр (минус семьдесят четыре градуса за бортом), затем снова на гнома. Не-так, не-так...

Голова гнома качается и трясется.

За окном проплывает белая безжизненная поверхность ледяной пустыни. Когда Гельсер смотрит на нее с высоты девяти километров, у него мерзнут ноги. Этого не может быть, потому что обогреватель ревет от натуги, в кабине тепло (даже жарко). Но тем не менее это так. Каждый боевой вылет так. Внезапно капитана настигает приступ паники. Гельсер поправляет кислородную маску и делает пару глубоких вдохов. Кислородно-воздушная смесь заполняет легкие, и приступ отпускает. Теперь маска висит над его правым плечом. По инструкции положено маску не снимать во время всего полета на таких высотах. Но кто ей следует, этой инструкции?

Ммммм. Вдруг ему начинает казаться, что он слышит в гуле винтов какой-то посторонний звук. Капитан крутит головой, но звук не исчезает. Ммммззз. Он такой... такой... ззз... словно... Гельсер встряхивает головой, подносит к губам микрофон. Щелкает тумблером.

– Финни, как у вас? – спрашивает он стрелка.

Пауза. Невидимый Финни проверяет показания приборов и бортовой рлс.

– Ока. Чиста. Что-то случилось, сэр? – Финни из Техаса, поэтому он экономит на гласных. А еще он любопытен.

Мгновение капитан медлит. Гнома подарила ему бывшая жена – пока еще не ненавидела его. Тогда у них все было хорошо.

Он снова подносит микрофон к губам. Третий пилот поворачивается и смотрит на него, выгнув бровь.

– Ничего не слышали? – настаивает Гельсер.

Щелчок. Помехи.

– Нет, сэр.

Третий пилот уже не разыгрывает удивление, он действительно удивлен.

– Сэр?

Гельсер делает знак: подожди.

– Никакого звука, похожего на... – он пытается повторить. – Ззз, ззззз. Нет?

Третий пилот смотрит на него, как на идиота, потом привычка к подчинению берет вверх. Он начинает прислушиваться.

– Нет, сэр, – отвечает Финни через паузу.

– Хорошо, – говорит Гельсер и отключается. Штурман за его спиной (он сидит против движения самолета, чтобы наблюдать за двигателями) шевелится. Гельсер, даже не поворачиваясь, чувствует, как в воздухе сгущается вопрос:

«Что это, черт возьми, было, сэр?»

– Показалось, – говорит Гельсер. – Работаем, парни.

Мочевой пузырь давит уже немилосердно. Начинает отдаваться болью в почках; хватит терпения, пора будить сменный экипаж. Гельсер снимает наушники. Ах да, формальности. Он берет микрофон и говорит (бортовые самописцы где-то там в недрах самолета включаются):

«Капитан Гельсер. Управление сдал третьему пилоту Кински. Высота 41 тысяча футов, курс 218, все системы в норме».

«Третий пилот Кински, – отвечает тот. – Высота 41 тысяча футов, курс 218, все системы в норме. Управление принял».

Гельсер кивает и встает, чувствуя, что икры ног совершенно чужие, резина, а ягодичцы вставлены в многострадальный зад, как лишние детали. Едва ступая на затекших ногах, охая, капитан доходит до лестницы и спускается вниз. Встает на нижнюю палубу, шатается, чуть не падает, кивает обернувшимся стрелкам и радисту. «Сэр, вы похожи на лошадь», – говорит бортинженер. «На какую лошадь?» – «На загнанную, сэр». Все смеются.

«Вам нужно выспаться, сэр».

Пшик! Гельсер открывает герметичный люк и видит круглую темную дыру лаза.

Это металлический туннель диаметром чуть больше полуметра, связывающий переднюю герметичную кабину с задней.

Гельсер медлит.

Придется лезть в металлическую кишку, что проходит через весь самолет. А это двадцать шесть метров в полной темноте. Почувствуй, каково это – быть заживо погребенным, невольно размышляет Гельсер. Ну, или кого волнует судьба глиста в заднице. Надо лечь на тележку и крутить ручную лебедку, чтобы проехать несколько десятков ярдов. Это называется «лифт». В задней кабине туалет, горячая еда и койка. Сон. Гельсер медлит, чувствуя, как в груди разрываются и связываются вновь какие-то темные, смутные страхи и желания.

Он делал это сотню раз, если не больше.

Пошел! Гельсер усилием воли опускается на колени и сует голову в темноту. Помогая себе руками, укладывается грудью на металлическую тележку, плечи упираются в металлические стенки трубы. Как узко. Сзади его аккуратно берут за ботинки и вдвигают в лаз, как поршень в масляный цилиндр. Свет исчезает. Скрежет закрываемого люка. Пшш. Герметизация. Капитан оказывается в абсолютном одиночестве в полной темноте в полной жопе.

Сотню раз, думает Гельсер.

Ощущение все равно тошнотворное. Тошнотворно-привычное.

Мочевой пузырь, прижатый весом капитана к тележке, напоминает горячую свинцовую болванку. Гельсер лежит на нем, как на вершине горы, и крутит лебедку – и-раз, и-два. Вибрация чувствуется и здесь. Он едет в темноте. Лебедка крутится все быстрее. И он снова слышит тот самый звук. Легкое «зззз» где-то за гранью восприятия. Крысы? Тараканы?

Дурацкое ощущение, что стены трубы смыкаются позади него. Еще немного и...
зззззз...

Он упирается макушкой в холодный металл.

Когда «лифт» прибывает, с той стороны люка должна загореться лампочка. То есть лучше бы она загорелась. Гельсер совсем не хочет остаться в этой темноте навсегда. Он едва сдерживается, чтобы не заколотить в дверь. Быстрее, быстрее! Ну! Щелчок замка.

Наконец-то.

Светлое пятно – лицо Финни.

– Сэр?

Ему помогают выбраться.

Гельсер выпрямляется (бог знает, чего ему это стоит) и окидывает взглядом кабину. Зрение пока не восстановилось, но кое-что он замечает сразу. Квадратный алюминиевый стол, уже поцарапанный от долгой жизни – и совершенно пустой. Словно тут даже кофе не пьют. Угу. Гельсер щурится, моргает и оглядывает двух стрелков и бортинженера. Вернее, одного стрелка и две напряженные спины.

Физиономия и спины слишком уж невинные.

Ясно. Они играли в покер. Это, конечно, лучше, чем если бы они резались в «морской бой» по внутренней связи. По крайней мере, если «Б-36» «Миротворец» потерпит крушение, то комиссии, которая будет расследовать причины, не придется выслушивать «эй один?», мимо, «джи восемь?» – «ранил» в течение нескольких часов кряду. В записи «черного ящика» не останется ничего лишнего... кроме, пожалуй, вопросов Гельсера про странный звук.

Это была ошибка, понимает Гельсер. Дела идут и так неважно, не надо было...

В лице Финни – понимание.

Сколько сочувствия может вынести один человек? Даже если он капитан ВВС, тридцатисемилетний мужчина и протестант?

Ответ: очень немного.

Сочувствие как грунтовая вода, оно размывает каменную кладку, которой Гельсер отгородился от мира.

Не позволяя себе дрогнуть лицом, капитан холодно кивает Финни.

Гельсер спускается к туалету. Металлический бак, закрытый крышкой, и умывальник на стене за ним. Зеркало. Мыло.

Туалет ничем не отгорожен. Знаменитая демократия в действии.

Гельсер расстегивает комбинезон, достает свой прибор, целится. Ничего. Несколько долгих мгновений он даже не может начать. Слишком долго терпел. Отлить хочется невероятно (почки будто вырезают хирургическим ножом), но – никак. Не-так, не-так.

Чертов гном, думает капитан Гельсер.

Мать твою, чертов, чертов, чертов гном.

Она просто уехала.

Раскаленная струя под давлением бьет в толчок, разбрызгивается, как из брандсбойта. Капитан чувствует себя пожарным из немой комедии, который поливает все, кроме очага возгорания.

Он почти уверен, что моча превратилась в серную кислоту – такая огненная проволока протягивается от почек до члена. Электрическая, раскаленная добела, дуга, на которую нанизан капитан ВВС Роберт Н. Гельсер.

Он хочет думать, что он изливает из себя ненависть. Мелкие капли оседают на блестящем металле. А может, это зависть.

Это точно зависть.

Закончив, обессиленный, капитан Гельсер упирается в стену хвостового отсека ладонями. Боль в почках такая, словно там протянуты кожаные ремни. Некоторое время он даже не может дышать. Стоит с расстегнутой ширинкой и пытается вспомнить, как это делается.

Время проходит.

«Сэр, как вы там?» – голос Финни сверху. Из-за гула двигателей его практически не слышно, поэтому бортинженер орет.

«Отлично», – говорит капитан Гельсер.

Волей-неволей он поднимает взгляд и смотрит на себя в зеркало. Карие глаза, шатен, крупно вылепленный англосаксонский подбородок. Красивое лицо... лицо выпотрошенное, точно его вскрыли, как свежепойманного тунца. Бледный лоб в испарине.

Платье. На ней в тот вечер было платье с юбкой-дудочкой, цвета теплого шампанского.

– Что?! – орет Финни.

Мой экипаж будет меня ненавидеть, думает он. Кричит:

– Ничего! Все в порядке!

Хотя здесь далеко не все в порядке. Совсем не.

Он протягивает руки, сматывает кусок туалетной бумаги, начинает промокать металл. Досадная неприятность. Ему все еще больно нагибаться, но тут уж ничего не поделаешь. Аккуратно затирает круглое сиденье и пол вокруг. Выбрасывает слипшийся комок в ведро для мусора. Снова отматывает несколько ярдов бумаги и снова вытирает. Его маниакальная, почти болезненная тяга к порядку. Снова выбрасывает бумагу в ведро. Все можно исправить.

Нужно только немного больше туалетной бумаги.

Гельсер сразу почувствовал какую-то странность. Он никогда не относил себя к ревнивым мужьям, но тут слепому ясно – между ними что-то есть. Между ней и рыжим придурком из ВМФ. Коммандером флота. У него лоснящееся, очень белое лицо преуспевающего продавца библий. Гельсер поставил бокал с недопитым скотчем на комод рядом с вазой и подумал: нужно что-то сделать. Прямо сейчас.

Вместо этого Гельсер достал сигарету и закурил. Он не любит курить, но это тоже часть имиджа. Настоящий мужчина должен курить. А то люди подумают, что он больше заботится о своем здоровье, чем о своей стране. Жесткая коробка «Лаки страйк» впивается углами в грудь, дым извивается полосами и режет глаза.

Гельсер берет сигарету двумя пальцами, выдыхает.

Смотрит сквозь дым на этого придурка, сидящего на диване недалеко от его жены. Вечеринка в самом разгаре. Кто-то включает «Дни моей жизни», мужчины пьют, звенят льдом в бокалах и смеются, женщины расселись кружком и слушают рыжего болтуна.

Он снова затягивается, чувствуя, как на языке оседает смола и горечь. «Ридерз дайджест» написала, что сигареты нас убивают.

Но никто не написал, сколько жизней они спасли.

Ему тридцать пять, блестящий офицер с перспективами; ей двадцать три, молодая особа из пригорода, из хорошей семьи. Свадьба. Приглашенный оркестрик играет под ветками платанов «Боса нову» и «Дни моей жизни». На свадьбе ее брат напивается (он, кстати, тоже морской офицер, лейтенант) и грубит Гельсеру. Тогда капитан смотрит на него и видит ее черты.

Он быстро и жестко набил ее брату физиономию. Тогда им впервые овладело это желание – уничтожить ее, расколотить этот нос, эти губы, этот упрямый лоб.

Но он приходит в себя, не успев выйти за рамки.

Мальчишку-лейтенанта уводят отсыпаться.

Он смотрит на веселящихся гостей сквозь ряд деревьев и идет к ним. Это его праздник. Он проходит между гостями, шутит, кивает и улыбается. Тут его догоняет шафер и останавливает за рукав. Лицо у него побледневшее.

– В чем дело, Коффи, – спрашивает Гельсер, продолжая улыбаться. – Что с тобой? Вместо ответа шафер молча подает ему тканевую салфетку с вышитым вензелем. Гельсер опускает взгляд и видит, что у него все кулаки в крови.

Возможно, что это последний полет «Миротворца». «Б-36» снимают с вооружения, списывают в утиль. На базе Элисон на Аляске осталось всего два таких самолета. Его, Гельсера, атомный «стратег» и сверхдальний разведчик Коффи.

Экипажи пересаживают на «Б-47» и на новенькие «Б-52» «стратокрепости».

Но ему это не светит.

На что годится он как командир, если от него сбежала жена?

Ответ слишком ясен даже ему самому. В определенный момент жизни мужчина зависит от женщины больше, чем думает. И это даже не момент рождения, нет. Мать примет тебя таким, какой ты есть. А женщина, на которой ты женился, уничтожит тебя любого, какой ты был, какой ты есть и каким ты будешь – если только захочет.

Она захотела.

На что он годится как мужчина?

Он пытался заставить ее бросить курить. Не вышло. Точнее, вышло ровно наполовину. Она продолжает курить до сих пор, но все же она кое-что бросила.

Его.

Не сказать, что капитана это особенно радует.

Она сейчас где-то за сотни миль отсюда сидит на кровати с дымящейся сигаретой «Олд голд» в пальцах.

Это очень сексуально, думает он, лежа на пустой, аккуратно застеленной кровати в аккуратном пустом доме и глядя в потолок. Невероятно сексуально, когда красивая женщина курит. Представив себе дым, с шумом вырывающийся из ее ярко-красных губ, Гельсер едва сдерживает стон. Над ним бледно-розовый потолок, как она пожелала. Теперь это его собственный кинотеатр видений.

Это была не любовь.

Это не любовь.

Это всегда была схватка двух огромных отчаявшихся кровавых зверей на уничтожение. Иногда, лежа после очередной схватки на измятой и скомканной простыне, Гельсер чувствовал себя опустошенным; разряженным, как патрон. Наверное, так же себя будет ощущать «Б-36» «Миротворец», когда наконец сбросит атомные бомбы на русских. Убийственная алюминиевая птица. А сейчас у него ощущение, что бомбы уже сброшены.

Под брюхом «Миротворца» с отчетливыми хлопками раскрываются три купола.

Атомные бомбы Mk.8 по 14 килотонн каждая.

Привет, русские.

Когда он служил в Корее, он видел пожар на аэродроме. Заправочный шланг сорвало (раздолбай-техник не закрепил его предохранительным шнуром, как положено по инструкции), и тот полетел, разливая галлоны чистейшего авиационного бензина... прозрачная струя, изогнутая в воздухе, как на фотографии Дали с кошками, что была на обложке «Лайф». Гельсер отчетливо запомнил это. Заправочный пистолет упал на бетон, чиркнул по нему... разлетающиеся искры...

Момент, когда в груди замирает. Бензин вспыхнул, огонь побежал по следу. Кажется, даже топливная прозрачная струя в воздухе не успела долететь до земли и вспыхнула огненной красной дугой. Гельсер смотрел тогда, замороженный невероятной красотой этого зрелища. Он потом убеждал себя, что не может этого помнить, такое происходит в долю секунды... но все-таки не убедил.

Он это видел.

Он успел тогда повернуться и отбежать достаточно далеко, чтобы взрыв топливозаправщика только подпалил ему спину. Кусок хлеба в тостере. БУМММ. Пахнуло горячим. Он закричал. Он подумал: хорошо, что на мне бейсболка, а то сгорели бы волосы. А потом его выкинуло из тостера к чертовой матери.

Готово.

Гельсер лежит на койке в заднем герметичном отсеке и чувствует, как его разум скользит на огромной высоте под куполом атомного парашюта.

До взрыва осталось...

зззз... ззззз...

«Самое обидное, что она ушла как раз тогда, когда я собрался ее бросить, – вспоминает он слова одного своего приятеля. – Просто взяла и ушла. Я должен бы радоваться, но какое там. Ты понимаешь? Весь извелся от обиды, потому что неправильно это вышло. Высох весь. Ты думаешь, я сломался, да? А нет. Я пью, чтобы совершенно не ссохнуть. Понимаешь?»

Гельсер представляет вымоченные в виски коричневые мышечные волокна, похожие на волокна сушеной конины. Он моргает. Египетская мумия с ввалившимися щеками, сидящая за стойкой бара «У Джеми», говорит ему: ну, ты понимаешь.

На мумии серый летный комбинезон и форменная бейсболка летчика ВВС.

На ярлычке на груди имя «кпт. Роберт Н. Гельсер».

До взрыва осталось: пятнадцать... четырнадцать...

Зззззз...

На самом деле капитан Гельсер дремлет.

– Сэр!

Его будят раньше, чем нужно, – он чувствует это по внутреннему таймеру, который у натренированного пилота редко дает сбой. Значит, что-то случилось. Он спрыгивает с койки, от прилива адреналина в мышцах пожар и дрожь. От приземления гудят отбитые ноги.

– Сэр, на два часа! – Финни.

Вспышка. На мгновение лед проявляется, будто фотобумага.

Гельсер вминает лицо в стекло блистера. Не может быть. Он моргает, протирает глаза. Чертовщина какая-то.

Затянувшийся кошмар из сна.

Белое поле простирается до самого горизонта. «Миротворец» сейчас в районе Северного полюса. Привет, медведи. Севернее восьмидесятой широты гирокомпас бесполезен, поэтому на него не смотрим. Радиокompас показывает привязку к передатчикам канадских, норвежских и американских полярных станций – так что не потеряемся.

«Финни, что там?»

«Сэр, вы это видите?»

Они идут на высоте девять километров. До точки поворота осталось двенадцать минут.

Справа по курсу – кусок снежного поля вдруг вздыбливается, набухает, его прорывает белым. Брокколи, думает капитан Гельсер. Больше всего это похоже на белые переваренные брокколи. Взрыв расширяется, растет, и вот – толстый гигантский белый гриб медленно поднимается вверх... выше... выше... если бы здесь были облака, он бы уже их коснулся... но

он продолжает расти. И вот он уже почти вровень с «Миротворцем», коснулся стратосферы... основание его отрывается от поверхности воды. Гигантская поганка нависает над самолетом.

Атомный взрыв, понимает Гельсер. Или чертов вулкан. Пожалуйста. Есть в этом районе чертовы подводные вулканы?

Потом Гельсер думает: началось.

Русские идут.

– По местам, – командует он. С удивлением слышит свой спокойный твердый голос. Будто и не он говорит, совсем.

зззззз... зззззз...

Гельсер видит, как от основания гриба отрывается и бежит тонкая кромка – след взрывной волны. Лед крошится и замирает, прежде чем вспухнуть (нарыв) белым.

Это русские.

Ударная волна настигает «Б-36». Грохот такой, что перекрывает рев двигателей. Гельсера отшвыривает на стрелка. До эпицентра взрыва несколько десятков километров, но самолет безжалостно трясет, словно он на полной скорости выскочил с шоссе на разбитую дорогу. Звук такой, словно у Гельсера в голове что-то лопается. Черт, черт, черт. У «Миротворца» гибкие крылья и фюзеляж в месте их крепления. Может, поэтому их и не оторвет. Черт. А может, и оторвет.

«Б-36» такой огромный, что вместо несущего фюзеляжа у него две силовые балки. И сейчас нужно отправить людей в центральный отсек, думает Гельсер, чтобы осмотрели, не прогнулись ли шпангоуты.

А, черт. Он вспоминает про взрыв.

Гельсер вскакивает и, не обращая внимания на разбитую руку, бросается к блистеру. Время исчезло.

Там, наверное, вода закипела, отрешенно думает Гельсер, глядя, как в белом теле полюса, в подножии гриба истекает черным глубокая рана. Вода, наверное, кипит и парит. От радиации вода теплая-теплая. Окутанная белым облаком прорубь посреди Арктики. Почему я не удивляюсь?

Белый гриб расплзается, теряет форму, оплывает. Он стал еще больше, если это возможно...

От его вершины плавно, медленно отделяются облачные кольца.

Это... красиво.

Второй пилот знает свое дело. Он начинает поднимать «Миротворца» выше и выше, в разреженные слои атмосферы. Здесь самолету гораздо лучше. Закладывает плавный вираж влево.

Зззз...

Гельсер смотрит на белую пустыню, проросшую гигантской поганкой, и думает: зззззз... зззззз.

«...дни моей жизни».

«Это лучшие дни моей жизни».

Надеюсь, фотоавтоматы включены. Готовая фотография для обложки журнала, не хватает только красной надписи «Лайф».

– И кошек, – говорит он задумчиво.

– Что?!

Да, именно. Черно-белый снимок. Белый гриб, черные летящие кошки, растопырившие когти, словно их несет ударной волной...

И красный жирный слоган поверх «Атомная война началась!». Вот этого только не хватало.

– Отказ второго двигателя, сэр! – слышит Гельсер. Поворачивает голову. Финни кричит ему в ухо и что-то протягивает. Лицо искаженное, словно опрокинутое внутрь себя.

Гельсер наконец понимает, что от него хотят, и надевает наушники.

– ...дета! – сквозь жутчайший треск помех.

Он нажимает педаль, переключая микрофон на передачу.

– Говорит командир. Что у нас?

Всплеск черных шупалец. Капитан Гельсер смотрит в окно и не верит своим глазам. Он больше не слушает второго пилота, который что-то кричит сквозь треск. Из-под основания гриба, в расколы льда пробиваются извивающиеся черные отростки. Все это уже не важно. Осьминожка. Усилием воли капитан возвращает ощущение масштаба. Атомный гриб в несколько миль высотой. Тогда эти черные отростки будут...

Вот дрянь.

Они мелькают в разломах льда и исчезают.

– Сэр! Что это?! – Финни. – Что это было, сэр?!

Капитан молчит. Сердце в груди выделяет странное дерганое движение бедрами, наподобие того, что исполнял тот парень, Элвис Пресли. Разве это не безумие?

Ззззз... ЗЗЗЗЗ.

– Занять места по штатному расписанию! – командует Гельсер и бросается к люку. Не важно, что это было, его место сейчас там, в кресле пилота. Даже боязнь темноты и замкнутого пространства временно отступает.

Гельсер заползает в трубу. Люк закрывается.

Ззззз...

Темнота. В следующее мгновение капитан снова чувствует, как парит под куполом атомного парашюта.

Стропы вибрируют «ззззз» от страшного натяжения, потому что теперь он атомная бомба Мк.8 и весит четыре с половиной тонны. Вот откуда этот звук!

Бламц. Лопаются стропы. Бламц! Парашют отрывается. Разум капитана Гельсера стремительно падает в огромное, черное, бескрайнее, кипящее радиоактивное море безумия.

Он летит, набирая скорость.

В ушах ревет разрываемый воздух. В желудке нарастает стремительная пустота.

Он падает в кипящую от радиации черную воду, бултых. Плюх! Он выплывает на поверхность, выплевывает воду, кашляет, хватая ртом воздух... поворачивается...

И здесь его встречает мертвый бог.

Глава 2

Из Монако с любовью

1

Два выстрела прозвучали одновременно.

«Точнее, – подумал Шон Коннери, разглядывая малиновый мячик, выкатившийся к его белым теннисным туфлям, – мы застрелили друг друга в честном поединке с разницей в полсекунды». Жаль, что здесь нет фотоавтомата, наподобие того, что стоит в стрелковом тире в лондонском офисе Ми-6. Он повел плечами. Спина была мокрой, к носку туфли прилипли травинки. Он снова посмотрел на мяч.

Малиновый цвет на фоне зеленой травы смотрелся вызывающе.

Коннери поднял голову и огляделся. Они играли недалеко от резиденции принца Ренье III, окруженной старинным парком. Запахи гибискуса, лимонных деревьев и шалфея витали в воздухе, смешиваясь с влажными ароматами экзотических орхидей. Отсюда Коннери видел стену старинной геновской крепости. Дальше за стеной начинались лавочки сувениров, летние кафе, пляжи и теплое море. Вечером, когда спадет жара, он спустится вниз и выпьет чего-нибудь покрепче в одном из прибрежных баров. Отличная мысль. Пока же вокруг Коннери были зеленые лужайки знаменитого кантри-клуба.

Зеленые лужайки княжества были одной из трех вещей, ради которых стоило устраивать тягомотину с многочасовым перелетом из Лондона и сводящим скулы приемом у английского посла.

– Шон! – раздался приятный голос.

Молодая женщина в короткой белой юбочке подошла к нему, ступая мягко и упруго. Без сомнения, она находилась в отличной спортивной форме. Это была высокая блондинка (но не выше Коннери), спокойная и элегантная.

– Я же говорила, что попаду, – весело сказала она с легким американским акцентом и взмахнула ракеткой. Та со свистом рассекла воздух. – Ну что, будете еще спорить, Шон?

Второй вещью, ради которой стоит посетить Монако, задумчиво размышлял Коннери, являются здешние казино. Третьей – местные девушки. Он посмотрел на соперницу, улыбаясь своей самой ироничной улыбкой.

А первой и самой важной, естественно, теннисные лужайки.

Разумеется, Коннери был рад размяться. Он уже лет сто не брал в руки ракетку, вынужденный заниматься кабинетной работой в штаб-квартире Секретной службы, где развлекался чтением Самых Станных Сообщений на свете. Такая работа для агентов его класса находилась всегда. Бумажная работа. Но раз в год можно было рассчитывать на смертельно опасное задание. Коннери с удовольствием посмотрел на ноги девушки. У нее были загорелые красивые икры и изящные лодыжки.

Очень опасное задание. Чего только не сделаешь ради своей страны.

– Ну же, Шон, сдавайтесь! Не заставляйте меня применять к вам насилие.

Он улыбнулся, показав на щеках издевательские ямочки.

– Ваше высочество, мне остается только подчиниться. Но...

– Шон!

– Сдаюсь, – рассмеялся он, поднимая ракетку над головой.

Спор заключался в следующем: принцесса Монако собиралась доказать, что лучше владеет ракеткой, чем представитель британской нефтяной компании, за которого Коннери себя

выдавал (не особо, впрочем, напоирая на маскировку). Конечно, это был вызов. Шон улыбнулся и предложил сделать ставки.

Идея дуэли была взята из нашумевшего фильма Куросавы «Семь самураев», от просмотра которого принцесса находилась под большим впечатлением. Они с Коннери становились друг против друга на разных концах теннисного поля. У каждого было по мячу. И один удар решал все.

Принцесса оказалась быстрее.

Теперь Шону предстояло расплачиваться.

– Почему вы играете мячами такого странного цвета? – спросила Грейс. – Это несколько экстравагантно, не находите?

– Это цвета моей компании.

Не мог же он сказать, что цвет мячиков был всего-навсего условным сигналом для «связного». Хотя необходимость в таком сигнале, похоже, отпала (связной не появился ни вчера, ни сегодня, и, вероятно, был уже мертв).

– Что вы говорите? – Грейс посмотрела на него. – А разве у «Бритиш Петролеум» не желто-зеленый логотип?

– Правда? – он поднял брови. – Видимо, я забыл.

– Лжец, – сказала принцесса с улыбкой. Ему понравилось, как она это сказала. – Признайтесь, вы ведь никакой не нефтяник, Шон?

– Скажем так, – он тоже улыбнулся, – нефть – не основное мое занятие.

– Нефтяник вы или нет, вы только что проиграли мне одно желание. Не забывайте об этом, Шон.

Он слегка поклонился:

– Я ваш. В любой момент, как только пожелаете, ваше высочество.

– Зовите меня Грейс.

– Хорошо... Грейс. Еще партию?

Тунк! Бам!

– Ох! – Грейс замерла. Мяч Коннери, пущенный с огромной силой и скоростью, пролетел всего в нескольких дюймах от ее лица. Она подняла руку и коснулась щеки – ничего.

Коннери подошел и встал рядом, глядя на нее сверху вниз.

Грейс посмотрела на него широко расставленными голубыми глазами.

– Вы ведь специально это сделали, Шон?

Он слегка наклонился к ней, для вида, якобы посмотреть, не задел ли ее мяч. На самом деле – чтобы вдохнуть аромат ее волос. Грейс пахла вербеной и американским детским шампунем.

– Нет.

– Вы не джентльмен.

– Это не единственное мое достоинство.

Она сказала:

– Доиграем в следующий раз. Прошу меня простить.

«Рискуешь, Шон», – подумал он, глядя ей вслед.

Принц Ренье известный ревнивец (что не мешает ему заводить шашни направо и налево), за принцессой следят днем и ночью. Тебя уже взяли на заметку, Шон. Впрочем, разве не за этим я здесь?

Коннери покачал головой.

Британское казначейство не слишком рискует, выделяя агентам такую «большую» пенсию: две с половиной тысячи фунтов в год. Она мало кому сможет пригодиться.

Разве что скупому шотландцу, Коннери мысленно улыбнулся, – вроде него.

Коннери знал, что агенты его класса редко доживают до сорока пяти лет, но чем черт не шутит? Он постарается. Шон слишком хорошо помнил время, когда у него не хватало денег даже на то, чтобы заплатить за квартиру или залить пару галлонов в бак мотороллера. Спасибо Королевскому флоту – теперь все по-другому. Звание командера, конечно, не наследное княжество с абсолютной монархией, как у принца Ренье, но на холостяцкую жизнь хватает. И, в отличие от принца Монако, Коннери не собирался жениться так рано.

Даже на Грейс.

Он посмотрел, как она идет, как двигаются ее ноги в белых теннисных туфлях.

Разве что на Грейс.

* * *

Коннери остановился у бара. Бармен улыбнулся ему, как старому знакомому:

– Что будете пить, месье?

– Мартини с водкой. И побольше льда.

Ожидая, пока коктейль смешают, он оглядел себя.

Крепкие руки, средиземноморский загар. Белая рубашка «поло» от Лакост. Шорты от Данлоп. Теннисные туфли от Барберри. Белые носки от еще кого-то, он уже забыл (Лаборал? Суинни?). Ракетка с металлической сеткой и амортизатором (он слишком сильно бьет по мячу, амортизатор нужен, чтобы не повредить запястье) от Слезинджер. О чем еще я, черт побери, должен помнить? – подумал он в раздражении. Чувствую себя школьником на уроке по снобизму. Милее всего Шону были бы сейчас рабочие штаны, мятая рубашка и туфли без носков.

И, само собой, гольф.

Монако – слишком маленькая страна для такой игры. Тем не менее здесь есть отличное поле для гольфа – почти на вершине горы. Интересно, французов не смущают летящие через границу мячи?

Проблема в другом: Грейс.

Она не играет в гольф, она играет в теннис. Поэтому я люблю теннис.

Коннери стоял у стойки, потягивая мартини с водкой, вспоминая ее лицо, как она говорит, как смотрит. Вероятно, она играет и в другие игры.

Он поймал на язык кубик льда и с хрустом разжевал.

О, несомненно.

2

Коннери поднялся в свой номер на верхнем этаже отеля «Амбассадор», что находится в десяти минутах ходьбы от королевского дворца (и от казино, что интереснее). Он открыл дверь и насторожился.

Свет не горел.

Хотя он отчетливо помнил, что оставлял его включенным.

В номере кто-то побывал. И, возможно, этот кто-то еще здесь. Коннери достал «вальтер» ППК из наплечной кобуры, ногами аккуратно стянул туфли. Оставшись в одних носках, бесшумно двинулся в глубь номера. Все это чертовски напоминало стрелковый аттракцион, на котором его гоняли в «Секрет сервис». Только здесь не отделаться фотографией «Ты убит!», здесь все серьезно.

Пистолет охлаждал ладонь. «Вальтер» ППК отличное оружие, но немного маловат для его руки. Поэтому нажимать на спуск приходится второй фалангой указательного пальца.

Коннери сделал три шага, держа пистолет в опущенной правой руке. В любой момент он мог вскинуть оружие и нажать на спуск, когда ствол пистолета пересечет линию мишени.

Такая техника стрельбы называется «вертикальный подъем» и отлично подходит, когда противник находится на близком расстоянии. Не больше нескольких ярдов. Самое то для шпиона.

Глаза скоро привыкли к темноте. Коннери оглядел гостиную, но не заметил ничего подозрительного. Теперь в спальню? Нет, стоп!

Он вернулся взглядом к двум креслам, что стояли недалеко друг от друга у окна, закрытого шторой.

Вот ты где. В кресле.

Он нацелил пистолет в сторону темного силуэта, мягко отшагнул назад, к стене, и левой рукой нащупал выключатель. Повернул. Присел на колено, вскидывая пистолет. Ну же! С секундной задержкой зажглись лампы – высветив сидящего в кресле человека. Тот держал в руках газету, словно до того, как включился свет, он уже давно и внимательно ее читал.

Пауза.

Коннери выругался сквозь зубы. Опустил «вальтер» и поднялся.

– Слышал новости? – Дэвид Корнуэлл оторвал взгляд от газеты. – Собираются снимать фильм про этого патентованного придурка Джеймса Бонда. Даже объявили общенациональный конкурс. Если бы ты не завязал с актерской карьерой, мог бы принять участие. Ха! – он бросил газету на соседнее кресло.

Коннери пожал плечами.

– Я мог тебя пристрелить, – сказал он, убирая пистолет в кобуру. – Как ты вообще здесь оказался?

Корнуэлл пропустил вопрос мимо ушей. Этот вечно помятый, словно пропущенный через пресс стиральной машины, близорукий, крепко сложенный коротышка являлся агентом высочайшего класса. Но характер у него был отвратительный.

– Ты встретился со связным? – бесцеремонно спросил он у Коннери.

Тот выгнул бровь:

– Здравствуйте, господин премьер-министр, сэр, не узнал вас в гриме.

– Брось, Шон, какие между нами секреты!

– Правда? Желаете знать, что я ел на завтрак?

С минуту Корнуэлл смотрел на него в упор. Глаза у него были маленькие и карие. Ирландские.

– Зря ты так со мной, Шон. Я мерзкий человек, я отомщу.

– По рукам, – ответил Коннери. – Что будешь пить?

– Виски.

– Лед?

– К черту лед!

Коннери прошел к бару, достал бутылку. Краем глаза он увидел оставленную Корнуэллом газету. На первой странице был заголовок «НАУТИЛУС» ДО СИХ ПОР НЕ НАЙДЕН. Когда Шон наливал виски, зазвонил телефон. Бесперемонный Дэвид тут же поднялся (а он быстрый, подумал Коннери) и снял трубку. Выслушал, лицо не изменилось. Из него выйдет хороший партнер в покере, подумал Коннери. Или опасный противник.

– Это тебя, Шон, – сказал Корнуэлл. – Задай им жару.

Коннери кивнул, отдал ему стакан и взял протянутую трубку:

– Слушаю.

Знакомый голос:

– Вы слишком загорелый, Шон. Выглядите как настоящий бездельник.

Коннери поднял брови. К. назвал его по имени, а не по номеру, что в служебное время случалось исключительно редко.

И еще К. обращается к нему так, словно они разговаривают в его кабинете в Лондоне, а не беседуют по телефону через всю Францию и Ла-Манш (кабель протянут по дну пролива). Другими словами, это не простой звонок.

– Сэр, вы мне льстите. Как обычно.

– Если вы закончили обольщать принцессу, может, займетесь делом?

Коннери невольно усмехнулся.

– Что я должен сделать, сэр?

– Похитить ее.

Коннери помолчал.

– Не уверен, что правильно вас понимаю, сэр, – сказал он.

Посмотрел на Корнуэлла. Тот пожал плечами.

– Это защищенная линия, – произнес он тоном «а мне-то что?».

– Дело серьезное, Шон, – продолжал К. – Есть основания подозревать, что принцесса находится в серьезной опасности. Вы должны убедить ее исчезнуть на некоторое время. Примените свои особые способности, Шон. Сыграйте Дон Жуана или Ричарда Третьего, кого хотите – хотя уверен, Дон Жуан у вас получится лучше... Не мне вас учить. На этом все. Технические детали операции вам расскажет наш общий друг.

Коннери искоса посмотрел на Дэвида, но тот продолжал делать вид, что его это не касается.

– Удачи, Шон, – сказал К. и отключился. Короткие гудки.

Коннери положил трубку.

«Примените особые способности». Сегодня ему все об этом напоминают.

Когда-то он был актером. Целый сезон с передвижным театральным шоу «Сауз парк», плотник, механик, маляр, установщик декораций, техник, билетер, затем актер массовки. А потом однажды он стал звездой шоу. Восторг толпы. Аплодисменты.

Нет ничего лучше этого. Когда ты выходишь на сцену, ты настолько живой, что кажешься себе бессмертным...

Никакая выпивка с этим не сравнится. Нет.

Коннери покачал головой. Не стоит даже пробовать.

Это как воспоминание о потерянной руке. Или скорее о сломанном и плохо сросшемся пальце на ноге. Именно. Не вспоминаешь о нем днями и неделями, но стоит только купить новые ботинки, как боль возвращается. Нет, он больше не актер. И хватит об этом!

Коннери взял бутылку и налил себе разом полстакана.

– А лед? – участливо поинтересовался Дэвид.

– К черту лед!

– А ты не такой сноб, каким кажешься, – заметил коротышка. – Когда надерешься. Впрочем, мне пора.

Уже открыв дверь, Дэвид повернулся:

– Шон, давно хотел спросить. У тебя есть твидовый пиджак?

Коннери помолчал, внимательно разглядывая коротышку-шпиона. Неужели это была шутка?

– Я скупой шотландский ублюдок, Дэвид, – ответил он наконец. – Конечно, у меня есть твидовый пиджак. – Он поднял стакан, отсалютовал: – Твое здоровье! Ты, чертов долбанутый ирландец.

3

Что плохо в тропиках, здесь невозможно быстро и гарантированно накачаться. Никакой северной качественной выпивки.

Климат не располагает.

Шон Коннери рассматривал розовую рыбу, проложенную льдом, лежащую в витрине ресторана. Каждый посетитель мог полюбоваться и выбрать то, что желает съесть. Посмотри в глаза своей еде. Ему доводилось пробовать и русскую, и итальянскую, и греческую кухню (не говоря уже о британской – самой бестолковой из всех), но этот огромный морской окунь его заинтересовал.

– Эту, – сказал он. Распорядитель кивнул, хлопнул в ладоши. Рыбу тут же вынули из льда и унесли на кухню. Шон не был голоден, но не собирался уходить просто так.

Это как с женщиной. Лучше попробовать, а то потом будешь слишком высокого о ней мнения.

Цинично сказано, но вполне по-британски. Все-таки «Сикрет Сервис» не благотворительная контора.

Мы выездные ростовщики, как описал однажды К., будучи в мизантропическом настроении, функции внешних агентов СИС. Мы ссуживаем деньги тем, кто в них нуждается. А потом собираем проценты.

Связями, доносами, грязными делишками.

Информация, за которую не просят денег, ничего не стоит – она слишком опасна, слишком горяча, чтобы ее можно было использовать. Поэтому мы должны покупать, покупать и покупать.

Но даже у нас есть некие границы, за которые мы не выходим.

Возможно, мы самые грязные «тихие джентльмены» в истории Британии.

Но все-таки мы джентльмены.

Коннери прошел к своему столику на веранде, выходящей на крышу океанографического музея. Отсюда открывался отличный вид на темнеющую гавань с белыми пятнами яхт, с темно-синим, отливающим у берега зеленью, морем. На огни прибрежных кафе и причалов. На освещенные фонарями сады у королевского дворца. Шон сел и закурил сигарету. Нужно было снова включаться в неторопливый ритм Монако, из которого он сегодня выпал, – спасибо К. и коротышке-шпиону.

Официант принес прозрачный бокал водки со льдом и бутылку содовой. «Перье» – дорогая содовая, но он предпочитал ее. Все-таки скупость у тебя в крови, чертов шотландец. Шон затаился и выпустил дым, неторопливо стряхнул пепел. В ресторане негромко играло фортепиано. Он прислушался: один из длинных этюдов какого-то русского композитора. Тоска. Возможно, такая музыка и способствует пищеварению, но от нее клонит в сон. Он бы предпочел что-нибудь поритмичнее. Коннери усмехнулся. Что-нибудь рок-н-рольное, возможно.

Что ни говори, а он так и остался парнем с улицы, которого нарядили в смокинг.

Часы на площади Тротиг пробили десять.

Шон допивал уже второй бокал, ожидая свою рыбу, когда к нему подошел официант:

– Месье, вас к телефону.

Шон изогнул бровь, посмотрел на официанта:

– Хорошо, я подойду в баре.

Кто бы это мог быть? Впрочем, ожидание хороших новостей ничем не лучше ожидания плохих. Не очень разочаруешься. Он вообще считал себя тем, кого шотландцы зовут «железная шея» – человек, которого трудно задеть. Чувство юмора очень помогает. Коннери поднялся из-за стола и отправился к барной стойке.

Если это Корнуэлл, пошлю его к черту. Сегодня я отдыхаю. Принцессой Монако займемся завтра. У барной стойки он протянул руку – бармен вложил ему в ладонь трубку телефона. Коннери потянул носом воздух – вкусный запах – неужели это моя рыба пахнет? – и сказал:

– На проводе.

– Шон, – услышал он женский голос, который сразу даже не узнал.

– Вы?

Он повернулся лицом к террасе, чтобы бармен не мог прочитать по губам, что он говорит. Через проем было видно его столик с оставленным бокалом. За столиком начинались перила, обрывавшиеся в абсолютно черное ничто. Лунная дорожка колыхалась от дыхания волн. Безмятежность. Княжество Монако. Здесь никогда ничего не случается...

– Шон, я не могу долго говорить, – сказала Грейс. – Можем мы с вами встретиться?

– Да, – ответил он не раздумывая, представляя, как она сидит с трубкой, закусив губу. В ее голубых глазах, в ее безмятежности что-то стронулось, изменилось.

– В ботаническом саду, у рододендронов.

– В моей гостинице, – сказал он. – Я не отличу рододендроны от жареных голубей. Через пятнадцать минут.

Пауза.

– Хорошо, – ответила она. – Это... я не знаю, почему я...

Она резко положила трубку. Возможно, чтобы не дать себе передумать. Это свидание, подумал он с привычным мужским самодовольством: о чем бы ни пошел разговор, это будет наедине, на его территории. Пусть принц Ренье побесится...

Он вернул трубку бармену, сказал «мерси».

– Ваша рыба готова, месье, – сказал, подходя, метрдотель. На тележке вслед за ним вывезли огромное блюдо, накрытое металлической крышкой-куполом.

Коннери с мимолетным сожалением покачал головой:

– Мне нужно срочно уйти. Счет пришлите в отель «Амбассадор», номер двадцать два.

– Месье, – кивнул метрдотель.

– Нет, стойте.

Коннери сделал шаг, оглядел тележку и блюдо. Официант в красном мгновенно сообразил и поднял крышку. Клуб пара взлетел вверх. Рыба была прекрасна. Запеченная в морских гребешках и шпинате, она смотрела на Коннери большими фаршированными глазами. Сквозь поджаристую корочку местами проглядывал нежно-розовый оттенок. Под тонкой кожей гурмана ожидало нежнейшее филе.

– Бениссимо, – сказал Шон с сожалением.

Мне будет о чем пожалеть, когда мое задание здесь закончится. Он дал себе слово вернуться в этот ресторанчик, когда будет время.

А сейчас его ждала Грейс.

* * *

Княжеский дворец Монако, известный как Монако-вилль, был построен в 1623 году, через два века после того, как династия Гримальди отвоевала крепость у генуэзцев. Отважный будущий монарх пробрался туда под видом монаха и открыл ворота своим солдатам. Генуэзцы были изгнаны, а Гримальди превратились в одну из самых уважаемых династий Европы. Но что-то разбойничье в князьях Гримальди все равно осталось.

Коннери шел по темной аллее, освещенной желтыми электрическими фонарями. Запах экзотических растений преследовал его, становясь с каждым шагом все плотнее. Казалось, завеса аромата орхидей, дышащих испарениями тропических болот, почти физически ощущалась. Влажной стеной она нависала над ним, заставляя ускорять шаг.

Гудение насекомых над головой.

Коннери прошагал аллею, не оглядываясь. Свернул на боковую дорожку, затем еще раз. Спустя несколько поворотов он убедился окончательно – за ним следили. Кто был этот чело-

век? Эти люди? Он пока не знал, но чувствовал, что они ориентируются в саду лучше, чем он. Не оторваться.

Он пробежал круглую поляну с маленьким фонтанчиком в виде какого-то из греческих богов (или, может, князя Гримальди?). Впрочем, зачем Гримальди памятники? Им вполне хватает собственного музея восковых фигур, где представлена вся династия, начиная с того хитрожопого князя-монаха. Чудовищная традиция, на неизысканный шпионский вкус Коннери, примерно как жить среди мертвецов.

Так и есть. Его пробежка оказалась не напрасной – тот, кто за ним следил, пустился в погоню.

Шон выбежал на аллею, окруженную деревьями без коры и странными серебристо-белесыми кустами, развернулся на месте и рванул обратно. Галстук выбился и развевался, как военно-морской флаг.

Чертов итальянский шелк, подумал Коннери, выбегая навстречу человеку в черном костюме и котелке, словно сошедшему со страниц французских комиксов про Фантомаса. Тот не ожидал такого маневра, раскрыл рот... Удара локтем в челюсть он явно тоже не ожидал.

Коннери остановился над поверженным противником, огляделся. Вряд ли тот был один. Точно не один.

Шон быстро обыскал еще не пришедшего в себя шпика. Выбросил револьвер в кусты. В нагрудном кармане обнаружился бумажник с франками – местными и французскими, записка с рядом цифр (код? номер телефона?) и визитка. Имя «Орвин» ничего ему не говорило.

Человек застонал. Коннери похлопал его по щекам, а когда тот открыл глаза, зажал ему рот ладонью. Тихо! Человек завращал глазами.

– Кто ты? – спросил Коннери негромко. Человек глазами показал куда-то вниз и влево. Коннери залез в карман пиджака. Точно. Шон вынул значок службы безопасности казино. Или, что одно и то же, личной охраны принца Ренье III.

Коннери поднял брови.

– Прошу прощения, – сказал он, убирая руку. – Видимо, я ошибся. Я принял вас за грабителя.

– Все в по... – начал человек, но Коннери вырубил его ребром ладони по сонной артерии. Выпрямился.

Значит, все-таки принц.

Сомневаюсь, что К. имел в виду принца, когда говорил об опасности для Грейс. Правда, развод устранением супруги у обычных людей (Коннери усмехнулся) вещь распространенная. Чем монарх отличается от шотландского забулдыги, калечащего жену железным кулаком? Разве что кулаки у него поменьше.

И жена у Ренье – Грейс Келли, голливудская принцесса.

Звезда кино.

Надо спешить. Коннери слышал вдали шаги – сюда кто-то быстро шел. Шон снял со шпика котелок, надел на себя, застегнул пиджак на все пуговицы и двинулся вперед походкой человека, забывшего в заднице собственный кулак.

Грейс грозит опасность. Но, возможно, всего лишь от ревнивого мужа.

– Жорж, это ты? – классический вопрос. Коннери шагнул вперед и ответил мягким глубоким басом:

– Конечно, нет.

В полосу света попало лицо другого сыщика. Дурацкие усы, они придавали ему сходство с дьяволом из итальянских опер. В последний момент шпик сообразил, что здесь что-то не так, и потянулся за оружием. Коннери ударил ногой... выбил револьвер. Тот улетел в темноту. От следующего удара сыщик легко ушел в сторону, блокировал в стиле окинавского карате ребром кулака. Черт. Коннери ударил прямой левой, затем хук. Сыщик уклонился. В следую-

щее мгновение он перешел в контратаку – Коннери едва успевал закрываться от мелькающих рук и ног. Сукин сын! Коннери отскочил, принял каратешную стойку. Шпик растянул губы в улыбке, оттянул кулаки к бедрам. Коннери бросился вперед. Плечом врезался в сыщика, отбросил его к статуе (Гримальди!) и плюхнул в фонтан. Попробуй сладкую жизнь, сволочь. Шон подпрыгнул и врезался ботинками в воду. Сыщик извернулся и выскочил к статуе, мокрый, поднял голову. Коннери больше не казались смешными его усики. Шон ударил ногой – мимо. Слишком ловкий. Слишком.

Бей, пригласил сыщик. Он почти улыбался.

Коннери кивнул ему, поднял руки, словно собирался сдаться, повернулся и сорвался в бег. Ошалевший сыщик открыл рот. Затем выскочил из фонтана и бросился вдогонку. Идиот. Коннери, обежав кусты кругом, оказался позади него. Теперь он видел качающуюся спину сыщика. За человеком в котелке оставался мокрый след. Если Коннери собирался бежать, сейчас было самое время.

Но Шон в несколько прыжков догнал сыщика и обрушился ему на спину коленями.

Хрустнуло.

Черт. Убивать было уже лишнее.

Коннери поднялся и пошел. Остановился у подстриженных кустов, в пятне фонаря, и оглядел себя. Брюки по колено мокрые, в ботинках хлюпает. Рубашка растрепана и рукав пиджака почти оторван.

Ничего.

Шон подумал, что линия была незащищенная и, значит, в номере его уже ждут.

Грейс!

К гостинице он подходил небрежной походкой завсегдатая. Внутренне холодный, собранный, он прошел через холл, мимо деревянной, украшенной золотыми надписями стойки ресепшена. Консьерж поднял голову. Коннери поймал его взгляд, кивнул и улыбнулся.

Главное, уверенность и наглость. Или, точнее, уверенная наглость. Он прошел гостиницу насквозь, Грейс не было, людей в котелках тоже. Но это еще ничего не значило. Коннери подошел к лифтам, нажал кнопку. Но заходить не стал, спустился по лестнице на нулевой этаж. Там, среди мраморных столбов и полов, возвышалась тележка с голубыми мешками. Белье. Горничные уже вышли в ночную смену.

Внутренний двор отеля представлял собой площадку для отдыха с маленьким бассейном и лобби-баром. Коннери вышел в стрекотание ночи и далекий гул моря. Здесь тоже чувствовался влажный аромат тропиков и Африки, но уже не так сильно, как в саду.

Быстрый взгляд на окна номера. Света нет.

Шон начал подниматься по пожарной лестнице.

Второй этаж. Коннери аккуратно перелез через перила и спустился на балкон соседнего номера. В спешке он едва не потерял «вальтер», теперь он ему пригодится.

Похоже, в номере кто-то был. Пусть это будет Дэвид, попросил Шон. Или Грейс. Лучше Грейс, чем Дэвид, думал он, примеряясь, как перепрыгнуть на балкон своего номера... Ррраз! Он прыгнул. Но даже Дэвид лучше, чем люди в котелках. Два! Под ним пролетала пустота, тянущаяся вниз до травяной лужайки у стен отеля. Свистящая пустота. В следующее мгновение он схватился свободной рукой за перила. Черт! Едва не упал, железные прутья балконной решетки вибрировали под ладонью. Шон задержался, перевел дыхание. Пустота свистела под ним и за спиной. Тихо-тихо.

Он прислушался. В номере ни звука. Впрочем, это скорее подтверждало, что там ловушка. Шон перекинул ногу через перила, медленно, пока не уперся носком ботинка в пол. Потом так же медленно, по дюйму в час, начал переносить вес тела на левую ногу. Скрип – громко скрипнули отличные ботинки от Ллойда. Мать, мать, мать. Коннери снова прислу-

шался. Чувство, что он делает огромную ошибку, не отпускало. Вот и конец твоим планам на пенсию, Шон, дружище.

Вот и...

В номере звякнуло. В следующее мгновение Шон, не давая себе времени на раздумья, плечом выдавил стекло и влетел в комнату. Бляц! – не выдержало стекло, вылетело и разбилось о пол.

– Всем стоять! – крикнул Шон, с бокового кувырка вставая на ноги. И поднимая «вальтер».

Бульк.

Что-то упало, звякнуло и покатилося по полу, с шипением разливая жидкость. Бутылка, подумал он.

– Простите? – голос в темноте.

– Стойте, где стоите, – приказал Коннери, поводя стволом «вальтера». – Я включу свет.

Он двинулся мягко, на ощупь (все повторяется, дежавю) нашел выключатель, повернул. Вспыхнула лампа. Несколько мгновений, сквозь мелькающие пятна, он пытался сообразить, что именно видит.

Наконец зрение вернулось.

Шон моргнул и выпрямился.

– Вот так сюрприз, – сказал Коннери.

– Вы могли бы быть и повежливее, – ответила Грейс. Почему-то мужчины всегда угадывают, когда женщина обнажена. Некоторым, особо одаренным, это удается определить даже по телефону. Но здесь особых талантов не требовалось.

Грейс, принцесса Монако, была в постели Коннери, едва прикрытая одеялом.

Коннери усмехнулся.

– Может, опустите пистолет? – сказала Грейс.

– Не уверен, что это не вторжение.

Он видел нежную, с легким свечением здоровья и красоты кожу ее плеч. Грейс нахмурила брови:

– Вы сами меня пригласили!

– Похоже, придется мне вызвать полицию.

– Даже принцессам иногда хочется тепла, – сказала Грейс.

– Понимаю, – ответил Коннери.

Шон перешагнул через бутылку шампанского – из нее выливалась, пузырясь, желтая жидкость.

«Вдова Клико». В общем, где-то так я это себе и представлял, подумал он.

Он подошел к кровати, наклонился к Грейс, смотревшей на его приближение широко расставленными голубыми глазами. В них было выражение холода и желания.

Странное сочетание.

Коннери сказал:

– Мне кажется, у нас не так много времени.

– Тогда не будем его терять.

Он поднял брови, в задумчивости вспоминая, кого им сейчас следует опасаться.

Она взяла его за узел галстука, притянула к себе.

Их губы почти соприкоснулись.

Это было одно из самых приятных ощущений в его жизни. Момент ожидания. Когда оба любовника уже готовы (предвкушение) и сейчас это случится.

Но еще не случилось.

– Кажется, – сказал он. – Мне все-таки надо быть осмотрительней.

– Молчи.

Они двинулись друг к другу. Губы остановились в миллиметре, уже физическое ощущение... Полмиллиметра... четверть...

Когда их губы соприкоснулись, Коннери почувствовалось, что комнату залило ярким всепоглощающим светом, стекла дребезжат, а его голова вот-вот оторвется от мучительного наслаждения. Он почувствовал физически, как вспыхивают вокруг предметы, словно проявленные рентгеновскими лучами, как исчезают в белом пламени гостиница, и номер, и кровать, и Грейс, и сам Коннери.

В следующее мгновение принцесса отшатнулась.

Кровать ходила ходуном.

– Что это? – спросила Грейс.

Коннери пригнулся и потянул ее за собой на пол. Стекла уже не дребезжали, хотя, похоже, взрыв (а что еще?) был в стороне княжеского дворца.

– Взрыв, – сказал Коннери. – Что-то большое взорвалось.

* * *

Зарево пожара было видно издалека. Пылало в стороне дворца – огненные отсветы лежали на небе и на поверхности моря.

Потом в пламени возникла небольшая заминка. Только что мелькали в недрах здания пылающие красные язычки, а затем все как-то разом вздрогнуло, промялось, и здание начало разваливаться на куски.

Коннери стоял на балконе, глядя на это.

В горящем аду, извергающем пылающие осколки, он видел крошечные фигурки людей, кричащих и дергающихся. Крыша левого крыла вздулась, словно ее накачивали изнутри сжатым воздухом. Пауза. И прорвалось выплеском огня. Маленький атомный взрыв, подумал Коннери, наблюдая, как впрыскивается в черное небо огненно-красный гриб. Маленький, крошечный. Похоже, принцессе стоило опасаться не людей принца...

А кого-то еще.

– Что там? – спросила Грейс, выглядывая из номера.

– Не ходите, там стекло, – сказал Коннери, не оборачиваясь. – Пораните ноги.

– Что там? – спросила она неожиданно низким, севшим голосом.

– Ваш муж был во дворце? – Он никак не мог оторваться от зрелища гибнущего в огне здания. Вот тебе и тихое княжество. Ветер с моря разбрасывал искры, летящие потоком, в сторону тропических садов и кантри-клуба. Возможно, скоро будет гореть не только дворец.

– Да.

– Что «да»? – Крыша треснула и развалилась на глазах. Даже отсюда он чувствовал горячее дыхание огня, слышал рев его и крики сторающих заживо людей. Кранк! В пламени что-то взорвалось, в небо взлетел металлический баллон, прочертил огненный след, как комета. И упал в море. Коннери повернулся к Грейс.

Она стояла в дверях балкона, закрываясь простыней, как римской тогой. Прекрасна. И на вид совершенно спокойна.

Грейс перевела взгляд на Коннери. В ее глазах отражалось пламя пожара.

– Мой муж... Он мертв?

Шон подумал и кивнул:

– Возможно. Накиньте что-нибудь. Полагаю, нам придется бежать.

Грейс подчинилась. Он прошел за ней в номер. Пока она искала одежду, он налил себе выпить. Полный стакан водки, отличная штука от нервов. И стал смотреть, как она одевается.

Грейс совершенно спокойно, нагая, не стесняясь его (очень красивая: когда принцесса нагнулась, на ее спине словно выступила цепочка круглых бусин), подняла свою одежду. Он

стал пить мелкими глотками. Водка обжигала нёбо и прогрела пищевод до самого желудка. По вкусу она была как вода. Только ледяная.

– Нет, – сказал он, когда Грейс взялась за юбку. Она посмотрела на него, словно не понимая, кого перед собой видит. Коннери мягко вынул юбку из ее рук, бросил на кровать. Потом вдруг ударил принцессу по лицу. Хлесткая пощечина. Красный след пальцев. Она схватилась за щеку, глядя на него с недоумением и растерянностью... набрала воздух в грудь, чтобы что-то сказать... и вдруг разрыдалась. Рыдание прорвалось, словно вода сквозь плотину в Новом Орлеане. Скоро не останется ничего живого. С красным лицом, с потекшими глазами, Грейс всхлипывала и дрожала. Изнутри нее поднимался вой. Коннери шагнул вперед, взял принцессу за подбородок одной рукой, с силой запрокинул ей голову и поднял стакан.

– Пейте, – сказал он.

Она замотала головой, он удержал. Ударил ее по щеке еще раз.

– Пейте.

Шон прижал стакан к ее губам, заставил разжать зубы. Она начала пить. Коннери влил в нее весь стакан, заставил проглотить (из нее рвались рыдания) и только тогда отпустил. Грейс упала на ковер, скорчившись от боли в желудке и приступов тошноты. Сквозь и то, и другое прорывались всхлипы.

Он собрался, проверил «вальтер», вынул из сейфа пачку денег и британский дипломатический паспорт. Он больше не пригодится, слишком велики шансы засветиться. Скорее всего, те, кто взорвал дворец, быстро вычислят, где сейчас находится Грейс и с кем она.

Теперь предстояло увезти ее отсюда.

Он вернулся в комнату. Грейс уже сидела на ковре. Глаза красные. Его мгновенно захватило желание овладеть ею здесь же и сейчас (что было бы разумно в психологических целях, но не совсем удачно в целях выживания). Убийцы скоро будут здесь. Конечно, если целились в нее. Но взрывать даже из-за принцессы целый дворец – это слишком. Сколько взрывчатки понадобилось? И какому безумцу это нужно?

Он подумал и вернулся в спальню. Вынул из шкафа один из своих костюмов, светло-серый, пошитый в Лондоне, на Сэвил-роу. Перекинул через локоть и добавил шляпу.

Вернулся к Грейс. Бросил ей костюм на колени.

– Зачем вы?

– Так вас никто не узнает. Будем надеяться. – Коннери вздохнул. – Одевайтесь.

Она посмотрела на него и нехотя кивнула. Выглядела она уже лучше. Водка начала действовать.

Через несколько минут перед ним стоял развязный молодой человек с надвинутой на глаза шляпой. Принять его за мужчину было бы сложно, впрочем, этого и не требовалось. Требовалось лишь на некоторое время смутить наблюдателя. Коннери встал и провел ладонью по бедру Грейс.

– Отлично, – сказал он. – Двинулись. Ботинки... черт.

– Да, – она была бледна. Он наклонился и осмотрел ее ступню.

– Вы порезали ногу.

– Я знаю, – она покачнулась. Грейс то бледнела, то краснела. Ощущение, когда узнаешь, что какие-то неведомые люди твердо решили тебя убить, многих лишает воли к сопротивлению. Но не Грейс.

– Надевайте свои туфли, а мои ботинки сверху.

Они вышли из номера. Спускаться по пожарной лестнице он не рискнул.

Коннери вспомнил, как в детективах ведут себя преследователи. Глупо. Но иногда те, кого ловят, ведут себя еще глупее. Поэтому надо быть умнее.

– Пошли, – сказал он. По пути к лифту он каждую секунду ожидал нападения или засады, но обошлось. Может, ничего тут нет, а он всего лишь параноик. И убить хотели Ренье. Все

равно стоило быть осторожнее. Они с Грейс прошли мимо лифта и начали спускаться по лестнице. Лифт был потенциальной ловушкой. Лестница тоже... но там была некоторая свобода маневра.

Сад экзотических растений расстился в темноте перед ними. Запах гари стал сильнее, черные деревья были очерчены красноватыми контурами. Треск и рев пламени. Вой сирен.

– Куда мы? – наконец спросила Грейс. Они шли уже минут десять, постепенно забирая к гавани. Коннери мотнул головой – не сейчас. У них оставался единственный вариант. Порт. Но для начала нужно было найти Дэвида.

4

Шон заметил, как в арку прошел человек в темном котелке. Черт. Коннери повернул голову, увидел еще одного у лестницы на первый этаж.

Приехали.

Коннери бросился бежать, держа Грейс за руку. У него неплохая скорость, хотя в футбол он не играл уже очень давно. Человек в котелке пытался ему помешать – Коннери пригнул голову и бросился вперед, как выпущенный из катапульты палубный истребитель британских ВМФ. Р-раз! Грейс вскрикнула. Человек отлетел в сторону, перекатился и остался лежать. Коннери даже не остановился. Все-таки в футболе его ценили не за скорость, а за агрессию и грубый натиск. Пришло время кое-что вспомнить.

Они пробежали под аркой Святого Людовика.

Человек в котелке повернулся, в его руке блеснул пистолет.

Выстрел.

Коннери нырнул, его тренированное тело привычно перешло в длинный кувырок. Встав на ноги, он выстрелил два раза. Бах, бах! Человек в котелке вздрогнул. Коннери замер в выпаде, едва не распластавшись по земле, держа в руке «вальтер» ППК.

Дымок поднимался из ствола вверх, свиваясь в петли аркана таро. Шут и Смерть.

Человек в котелке сделал шаг, глядя на Грейс в упор неподвижными глазами. И вдруг повернулся вокруг своей оси и упал. К мощному аромату гибискуса и гари добавился запах крови.

Дворец все еще горел. Коннери слышал сирены пожарных машин (скорее всего, сюда спешили пожарные команды из соседних французских городков). Скоро и полиция подтянется. Нужно спешить.

Через несколько минут они уже были у отеля «Океаник», где остановился Корнуэлл. Сопровождаемый надоедливый запахом тропических растений, Коннери поднялся по лестнице, практически таща за собой Грейс. У входа в номер он достал «вальтер» и постучал рукояткой в дверь.

– Дэвид! Дэвид, это я, – крикнул он на всякий случай. Тишина.

Коннери повернул ручку. Не заперто. Осторожно перешагнул через порог... В следующее мгновение в лицо брызнули каким-то распылителем – он рефлекторно пригнулся и прикрыл лицо. Задержал дыхание.

Черт.

Коннери выпрямился и ударил хуком. Лязгнуло! Руку прошило болью. Человек покатился по полу. Коннери сделал шаг, чтобы ударить его носком ботинка, но вдруг почувствовал, что влажный дух экзотических растений становится удушающим. Он рванул узел галстука, комната перед глазами закачалась.

Быстрее!

Ударом ноги он выбил окно, звон стекла, в комнату ворвался свежий морской воздух – полегчало. Коннери вдохнул – головокружение прошло. Повернулся к Грейс, смотревшей на происходящее расширенными глазами.

– Газ, – хрипло сказал он. – Задержите дыхание.

Аэрозольный баллончик, красный с белым, с надписью «Канди милк» откатился к его ногам. Молоко для завтраков, подумал он автоматически. Перед употреблением встряхнуть. Распылить на хлопья. Запах горьковато-миндальный – цианистый калий? Тогда я уже был бы мертв. Но это пахнет не газом...

Человек лежал неподвижно.

Коннери наклонился над ним, перевернул на спину. Понятно. Черт. Шон выпрямился, безгласно отряхнул руки. Лицо человека было искажено мрачным, звериным выражением, зубы обнажены в предсмертной гримасе. На губах и подбородке клочьями застыла желтовато-коричневая пена. Капсула с цианидом. К сожалению, мы так и не узнаем, кто это был.

И зачем он это делал.

Красные? Алжирцы? Баски?

Кому, черт возьми, могло понадобиться карликовое княжество? Оно, конечно, битком набито «капиталистами», как говорят красные, но – взрывать его? Это не похоже на марксистов. Да черт возьми, это вообще ни на кого не похоже.

Коннери покачал головой.

– Поднимите руки! Живо! – приказал знакомый голос. Грейс изменилась в лице и медленно подняла руки. Ловушка. Коннери вскинул пистолет... патронов, жаль, мало. Всего пять.

Корнуэлл выглянул из-за плеча Грейс, моргнул.

– Какого черта, Шон? Что вы тут устроили?

– Дэвид? – Коннери вдруг понял, что чертовски устал.

– А кто еще? – удивился тот. – Но что еще за мальчишка с вами?

Дэвид развернул «мальчишку» к себе лицом. Пауза... Глаза его чуть дрогнули – и все. Он опустил пистолет.

– Добрый вечер, ваше высочество, – сказал он и перевел взгляд на Коннери: – Да, Шон. С тобой не соскучишься.

* * *

Порт был освещен светом от пожара, как огромной лампой. Над отвесной скалой, спускающейся к гавани, пылал гигантский факел. Однообразный глухой рев. Искры летели с обрыва. Пока ветер был с моря, он относил их к берегу, но ветер в любой момент мог перемениться. На причалах бегали и суетились, кто-то поднимал паруса, кто-то отвязывал швартовы, но по большей части люди просто метались в разные стороны и кричали. Коннери буксиром тянул за собой Грейс. Они шли по причалу. Коннери то и дело терял из виду спину Дэвида, который должен был привести их на место.

– Яхта называется «Королева юга», – сказал Дэвид. – Не забудьте.

Но ключи от яхты в любом случае были у него.

Матрос в черном бушлате попытался оттолкнуть Коннери, но получил отпор. *Bâtard*, прохрипел матрос. Ублюдок. Коннери безжалостно врезал ему под дых и по яйцам. Привет от британского флота, лягушатник!

Сзади кто-то закричал. *Этансьон!* Осторожно!

Коннери поднял голову. Над их головами пронеслась горящая балка, как пылающая комета, и упала далеко впереди. Бах! Она врезалась в одну из яхт. Пауза. Крик вокруг поднялся до панического. Яхта вспыхнула, словно была сделана из спичек.

Черт, выругался Коннери и прибавил шаг. Теперь он уже распахивал людей, не церемонясь.

Где же?!

Руку Грейс едва не вырвали у него из ладони. Коннери развернулся и ударил наглеца в челюсть. Удар пришелся по скользящей, но наглец упал.

– Шон! – услышал он крик.

Дэвид махал рукой с большой яхты. Это была не моторная современная игрушка, а парусный полуторакорпусник, старый добрый, отделанный английским деревом.

– Сюда!

Они бросились к яхте. Коннери легко перепрыгнул на палубу, повернулся, чтобы подать руку Грейс. Поздно. Принцесса уже была здесь. Она в отличной форме, подумал Шон. Хорошо.

В воду рухнула горящая балка. Пшихх! Взвился пар.

Он поднял голову. Над пламенем пожара он увидел тонкие, как спицы, сверкающие струи пожарных брандсбойтов. Покачал головой. Нет, это даже за сутки не потушишь. Выше по склону пылал многоэтажный дом. Отель «Париж» пока не загорелся, его поливали из шлангов пожарные (Коннери видел их черные фигурки). Все, пора было ехать.

Эпоха Гримальди закончилась.

– Отчаливаем! – крикнул Корнуэлл и ушел к штурвалу.

Коннери вспомнил о главном, перепрыгнул на берег, отвязал швартов, перебросил его на борт яхты. Прыгнул вслед. Палуба под ногами вздрогнула и задрожала – Дэвид включил моторы. Все-таки это была шпионская яхта, а не просто старое суденышко.

Яхта медленно начала сдавать назад, разворачиваясь. Вода за кормой забурилась. Несколько яхт уже пылали. Две успели отойти от берега и уходили подальше от убийственного огня.

Коннери наблюдал, как «Королева юга» развернулась носом в открытое море и дала малый вперед. Они прошли мимо причала. Корнуэлл стоял у штурвала. Приходилось лавировать, чтобы избежать столкновения с обломками в воде. Коннери ждал, что они вот-вот напорются на что-нибудь, но Дэвид оказался молодец. Пару раз они чудом избежали столкновения с другими яхтами.

– Идите в каюту, – сказал Коннери. Грейс не ответила. Как замороженная она наблюдала, как сгорает ее дом, ее княжество. Ее сказка.

Яхта набрала ход и теперь рассекала пену, взлетая с волны на волну. Море под ней казалось черным и бездонным, словно преисподняя. И там не было ничего.

– Почему я с вами? – Грейс наконец нарушила молчание.

– Потому что вы нам нужны.

Грейс покачала головой. Невероятно красивая даже в такой момент.

– Я могла бы быть там, – сказала она, глядя на пылающий дворец. – Вместе с моим мужем. Бесчувственный Дэвид хмыкнул. Он стоял спиной к ним за штурвалом.

– Да, – сказал Коннери.

Грейс повернула к нему лицо, глаза блестели:

– Кто вы такие?

– Секретная служба ее величества.

– Шпионы?

– Что-то вроде.

– Вы могли спасти моего мужа, – это был не вопрос, а утверждение.

– Возможно. Но мы были уверены, что опасность угрожает только вам.

– И вы ошиблись.

– Да.

– Знаете, – сказала она, глядя на удаляющийся берег. – Когда это случилось, я вдруг забыла, что Каролина... моя дочь... сейчас во Франции, у тети. Я почему-то подумала, что она там, во дворце... – Грейс подняла голову. – Там, где все это... – она посмотрела на Коннери. – И тогда я умерла. Не знаю, сколько прошло, прежде чем я вспомнила, что дочери там нет... мне казалось, целая вечность. Целую вечность меня не было. Я умерла. А теперь я снова живу. Но многие хорошие люди погибли. Я живу, но не чувствую, что я живая. Мне так холодно. Так холодно. Что вы на меня смотрите?! Я живая! живая! живая! Слышите вы?!

Коннери молчал. Потом пошел к ней. Когда Грейс замахнулась, чтобы ударить его по лицу, Шон поймал ее руку. Грейс дернулась, вскрикнула: «Пустите!» Он поднял ее на руки и понес. Она кричала и отбивалась. Дэвид равнодушно стоял за штурвалом, продолжая управлять бегом яхты. В бездонном небе холодно блестели звезды.

Коннери понес отбивающуюся Грейс в каюту. На полпути она вдруг перестала вырываться и прижалась к нему.

Он принес ее в каюту, положил на кровать. И стал раздевать.

А потом доказал ей, что она жива. Ее страсть озарила каюту, словно ядерная вспышка. Ударной волной чуть не сломало койку и переборку. Радиацией чуть не сожгло у него все волоски на руках.

Наверху Дэвид Корнуэлл вел яхту к берегам Италии, слышал скрип дерева, стоны и крики и был совершенно невозмутим, как рельсовое железо.

* * *

Грейс вышла из каюты, закутанная в плед. Коннери улыбнулся и встал, но она села не к нему, а чуть подальше. Море, светлеющее на глазах, молочного цвета, было спокойным. Вглядываясь в даль, можно было различить чуть более темную полосу горизонта. И слабое предчувствие розового. Коннери посмотрел вниз, за борт. Вода ворочалась за кормой, лишь слегка потревоженная, сонная.

Яхта скользила в молочно-сером море, словно призрак. Если бы не мелкая дрожь под ногами и легкий гул мотора, можно было бы подумать, что они плывут в подземное царство мертвых. Пересекают Стикс. Яхта «Королева юга» везет в Аид бывшую принцессу, бывшего актера и бывшего (Коннери покосился на Дэвида) человека. Они шли уже несколько часов, забирая все дальше к юго-востоку. Дэвид покачивался, стоя за штурвалом. Лицо его чуть опухло от бессонной ночи, но не выглядело сонным.

Коннери прошел к носу, взял из ящика бутылку содовой. Лучше бы кофе, да и пить он не хотел. Но почему-то взял.

Открыл консервным ножом (шпок) и вернулся на корму. Содовая была холодная, даже зубы заломило.

– Иди спать, я подежурю, – сказал он Дэвиду в спину. Тот, не поворачиваясь, покачал головой. Нет так нет. Коннери решил не настаивать. Его проблема – яхта. А моя...

Он подсел к Грейс. Она повернула голову, мазнула по нему синим взглядом, отвернулась. От бессонной ночи глаза у нее стали глубокими, как колодцы, а веки припухли. Теперь она выглядела на свои тридцать. Но все равно была чертовски красивой, даже красивее, чем тогда на корте.

– Скоро будем в Италии, – сказал Шон.

Она не ответила, продолжая смотреть, как разбегается за кормой вода. Яхту слегка покачивало. Утренний штиль.

– Как вы?

Она повернула голову, посмотрела на него:

– А как я должна быть?

– Не знаю. Хотите содовой?

Грейс медленно покачала головой, закуталась поплотнее в плед. Нет.

– Вы знаете легенду об Орфее?

– Что вам от меня нужно? – спросила она враждебно.

– Если бы мы не трахались полчаса назад, я бы сказал что-то грубое. Но раз мы трахались, то грубить мне как-то неловко.

– Простите, – она замотала головой. – Я... я боюсь.

– Это бывает, – сказал Коннери мягко. – У вас есть все основания бояться. Но теперь все будет хорошо. Обещаю.

Она посмотрела на него едва ли не с ненавистью.

Коннери допил содовую, выбросил бутылку за борт. Затем поднялся, прошел по палубе и спустился в каюту. Там был встроенный в стену приемник. Коннери подкрутил ручки, попробовал – шипит, трещит, но, похоже, работает. Он выбрал канал и долго подстраивал частоту. Вот!

– ...из достоверных источников стало известно, что советская делегация настаивает на соблюдении уложений международного права. Предложение о придании Антарктиде статуса свободной, безъядерной зоны и особого статуса ничьей земли обсуждалось в присутствии минис.. – Коннери повернул ручку, наткнулся на рок-н-ролл. Мягкий голос, растягивая гласные, как котяра, выпевал слова. «Все в порядке, мама. Все в порядке». Коннери стал слушать, на самом деле не слушая, а размышляя. Закурил. Рок-н-рольчик кончился, ведущий объявил имя исполнителя:

– Элвис Пресли, мадам и месье! Великолпно! А сейчас послушайте о новом средстве против облысения... – Коннери повернул ручку. К чертям такое радио. Сплошная реклама. Он провел рукой по волосам. А я ведь тоже начинаю лысеть. В двадцать девять – надо же.

– ...Раскройте глаза свои! – запричитало радио по-итальянски. Католики, м-мать.

Грейс молилась, не переставая, с того момента, как они переспали. Для Коннери это не то чтобы стало неожиданностью... Но да, он удивился.

Он поискал сигареты. Не нашел.

– Дэвид, курить есть?

Тот покачал головой:

– Черт его знает. Вроде кончились. Поищи там в шкафчиках, вдруг найдешь.

Коннери нашел сломанную сигарету, оторвал кусок, закурил, сидя на полу.

Похоже, есть религии, в самое существо которых заложено распутство. Была бы Грейс такой сексуальной, горячей штучкой, раскаленной как вулкан изнутри, если бы не была набожной католичкой? Черта с два. Если не забить пыж как следует, пушка не выстрелит. Пшикнет сгоревшим порохом, и все. А Грейс...

Кто же хочет ее убить, думал он. Кто?

Он снова принялся крутить ручку приемника. На стеклянном табло с разметкой частот и городов (Париж, Мадрид, Москва, Висконсин). Добрался до Лондона. Почему-то о пожаре в Монако почти никто не говорил. Зато все привязались к третьему ледовому походу американцев. Ну и что? Что они там забыли, на полюсе?

От утренней свежести Шон прозяб. Стоило накинуть плед или выпить чего-нибудь крепкого.

– ...Москва настаивает, что Антарктида – общественная собственность, судьбу которой должна решать Организация Объединенных Наций. Сегодня в Москву с визитом вежливости прибыл президент республики Самбия Роберт Могуту...

Коннери в сердцах повернул ручку, перескочив сразу на Марсель.

– Н-о-о регорьян, но-о же не-е регорьян, – раздался из динамика резковатый, сильный женский голос. Наконец-то музыка. Подойдет. Коннери сделал звук на полную и поднялся

наверх. Сел рядом с Грейс. Музыка слышна и здесь. Он смотрел назад. Где-то там исчезало за молочной пеленой воды и тумана княжество Монако.

Яхта шла, двигатель гудел. Незнакомая певица гортанно пела:

*Нет, я не жалею ни о чем.
Я сегодня забываю радости и печали,
Провалы и взлеты, забываю все.
Сегодня
Я начинаю жизнь снова.*

Звуки разлетались над затихшей поверхностью моря.

Я начинаю жизнь с нуля. С тобой.

5

Конец мая в Риме – отличная пора для влюбленных. Еще не так жарко, чтобы пришлось бежать из города, и уже не так холодно, чтобы по ночам прятаться в номере под тремя одеялами. Портье отеля «Фонтана», окнами выходящего на площадь де Треви, мог похвастаться тем, что видел больше влюбленных, чем папа римский. Но эти люди на влюбленных не походили. Нет, куда там.

Эти двое ненавидели друг друга.

Это было очевидно. То есть на первый взгляд это не бросалось в глаза, но опыт... опыт не зря называется опытом. Чутье метрдотеля не подводило. Они могли сколько угодно целоваться на глазах у прохожих, гулять по Риму, взявшись за руки, даже заниматься любовью у себя в номере, сутками не выходя оттуда... Было главное, чего не изменишь. Они яростно, страстно и нерассуждающе ненавидели друг друга. Он понял это с первого взгляда.

Они взяли дорогой номер (хорошо, не для новобрачных) на верхнем этаже и зарегистрировались как семейная пара.

– Проводите сеньора и сеньору в номер 216, – вполголоса сказал метрдотель. Консьерж кивнул.

Мужчина был высок, черноволос и насмешлив. Женщина с каштановыми волосами, возможно, недавно покрашенными. Темные очки. Метрдотель проводил женщину взглядом (смутно знакомая, очень красивая, ей больше бы подошло быть блондинкой), потом вернулся за стойку и набрал номер.

– Они здесь, – сказал он и положил трубку.

Грейс прошла в номер, пока Коннери давал мальчику на чай. Скупой шотландец, но если не дать хорошие чаевые, это запомнят. Играй, держи образ, и все будет отлично.

В ванной зашумела вода. Коннери кивнул сам себе и двинулся к бару. В деревянном шкафу был спрятан холодильник, там обнаружили водка, красное сухое вино и сыр.

А в ведре на столе было шампанское. Он достал бутылку и хмыкнул. Дешевка. Впрочем...

– Кажется, мы здесь надолго, – сказал он и начал развинчивать проволоку. – Считайте это приключением, – сказал Коннери через полчаса, допивая последний бокал. На столе стояла пустая бутылка шампанского. Грейс смотрела на него, словно не понимая. На ней был махровый розовый халат, на голове – полотенце. – Я думал, вам надоела скучная размеренная жизнь?

– Напротив, я уже начинаю по ней скучать. Дайте сигарету.

Коннери поднял брови, но подчинился.

Она вынула из его серебряного портсигара тонкую сигарету с фильтром. Morland Balkan, его любимые. Коннери щелкнул зажигалкой. Грейс прикурила, замороженно глядя на голубоватый огонек.

Она выпустила дым из сложенных кольцом губ. Это было... красиво.

Грейс тут же закашлялась.

– Я никогда не курила, – пояснила она. – Теперь понимаю почему.

– Как вы?

Она посмотрела на Коннери:

– А как я должна быть?

Он пожал плечами и решил сменить тему:

– Это правда, что вы отказались от роли, которую вам предложил Хичкок?

– Вы любите фильмы Хича? – ответила Грейс вопросом на вопрос.

Он усмехнулся:

– А вы?

– Совсем нет. Но мне нравилось у него сниматься. Еще бы. Я знаю, у него были фантазии, связанные со мной. Я нравилась ему как-то по-особенному, не так, как другим мужчинам. – Грейс посмотрела на него: – Не так, как вам, Шон.

Он не сразу нашелся, что сказать.

– Это... неудивительно.

– Да. Вы пещерный человек, Шон, и привыкли получать женщину, которую хотите. Вы будете ее по голове дубиной и тащите в свою пещеру. То, что дубину мужчинам теперь заменяет смокинг, пошитый на Сэвил-роу, ничего не меняет.

Коннери помолчал. В ее словах был резон.

– А Хичкок?

Грейс выпустила дым.

– Он мог получить меня, если вы об этом. Если бы только захотел. Но он не хотел разрушать... и хотел большего. Хич любил меня через свою камеру. Возможно, он единственный и любил. В перерывах между дублями он лично поил меня чаем. Смешно, правда?

Она смотрела на него спокойно. Коннери вдруг ощутил, что сердце у него стучит и ладони вспотели. Чтобы избавиться от неприятного ощущения, он шутливо обратился к Грейс:

– Как думаете, режиссер может стать хорошим мужем?

– Нет.

– А шпион?

– Нет. – Она помолчала. – Но, с другой стороны, любой мужчина вряд ли может стать хорошим мужем... Вы предлагаете мне руку и сердце, Шон?

Он помедлил. Как прыжок с парашютом: обратного пути не будет.

– Да.

Впрочем, всегда можно не дергать за кольцо.

Молчание затянулось. Он посмотрел в ее голубые глаза и понял, что ничего не может в них прочесть. Совсем ничего. Снежная королева. Вулкан под снегом.

– Я замужем, – произнесла она наконец.

– Уже нет, – сказал он и спохватился.

Джентльмен – это человек, который всегда выглядит таким вежливым, каким бывает лишь изредка.

– Чтоб меня! Ваш муж... – начал он. Грейс перебила:

– Я чувствую... печаль. И облегчение.

– И все же... что ты ответишь на мой вопрос?

Она положила сигарету и раздавила ее.

– Трахни меня.

– Ты не ответила.

– Трахни меня как можно сильнее.

Губы ее были ледяные.

Когда все закончилось, она лежала на кровати обнаженная, подперев голову рукой, и рассматривала его татуировки. Коннери сделал их во время службы на флоте. Тогда он был молодым лопоухим матросом, которого подкосила язва желудка. Кто же знал, что через несколько лет он вернется туда с повышением. Коммандер Коннери, да.

«Шотландия навсегда» и «Мама и папа».

В общем, кое-что из его характера эти надписи отражают.

– Вы помните, Шон, что обещали мне одно желание? – сказала Грейс.

– Конечно, – ответил он почти без заминки.

Она перевернулась на спину и закрыла глаза. Синий свет погас.

– Оставьте меня в покое, пожалуйста. И больше никогда не появляйтесь в моей жизни.

Коннери молча встал и начал одеваться. Закончив, положил «вальтер» в наплечную кобуру и надел пиджак. Грейс лежала, глядя в потолок.

– Я пришлю за своими вещами, – сказал он и вышел. Так себе прощальная фраза.

На площади де Треви плескалась жизнь, как форель в садке в рыбном ресторанчике. Фонтан был окружен приезжими, бросавшими монеты, чтобы вернуться в Вечный город еще раз.

Вопрос: зачем?

Он внезапно вспомнил, как сидел здесь за столиком в пятьдесят четвертом, а киношники снимали фильм с той симпатичной девушкой, Одри Хепберн, которая играла принцессу. Как же он называется? «Римские каникулы». Точно. Одри Хепберн и Грегори Пек. Хороший актер. Он много раз видел плакаты, но так и не удосужился посмотреть фильм. Может, и стоило. Может быть.

Коннери купил газету у старика с коричневым, высушенным лицом.

– Американо? – спросил тот надреснутым голосом. «Американец?»

– Но. Граacie.

Заголовок гласил:

«АТОМНАЯ ВОЙНА? Зачем Советы взрывают Северный полюс».

Сучка, подумал Коннери. А потом, без всякого перехода: интересно, чем русским насолили белые медведи?

Глава 3

Русские

МОСКВА (ТАСС) от 12 июня 1959 года:

Вчера, в 14 часов 28 минут советские сейсмические станции зафиксировали землетрясение в районе Северного полюса силой около 7 баллов по шкале Рихтера. Заборы проб воздуха дают повод назвать это явление взрывом ядерной природы мощностью около 1,5–2 мегатонн.

Это дало повод правительству США и некоторых европейских стран обвинить Советский Союз в проведении испытаний в международной зоне.

ТАСС уполномочен заявить: Советский Союз не причастен к так называемому атомному взрыву в районе Северного полюса. Это грубая нападка антисоветски настроенных сил. Советский Союз не раз выступал с мирными инициативами по поводу ограничения и запрещения ядерного оружия.

Еще более смехотворной выглядит попытка недобросовестных западных СМИ обвинить советские Вооруженные силы в потере атомной бомбы, которая якобы и вызвала взрыв.

Все советские ядерные заряды (в том числе и водородные) находятся в полной сохранности и в любой момент могут быть использованы для отражения агрессии против Советского Союза.

– Думаю, это достаточно завуалированный ответ, – сказал министр. – Как считаешь, Ваня?

Генерал Алексеев, в прошлом участник боев в Корее, ныне – командующий киевским военным округом, пожал плечами. Это не то чтобы его удивляло. Но все-таки взрыв ведь не иголка, его в стоге сена (и даже всего полярного снега) не спрячешь. Генерал настаивал, чтобы в заявлении прямо указывалось «атомный взрыв был», сейчас выясняется, как и зачем. Пелена секретности тут ни к чему – западные если что выведывают (а они узнают, радиоактивные пробы воздуха дают точный ответ), то скандала не избежать. Лучше сразу сознаться в чем-то меньшем, чем потом получать за большее, которое, несомненно, раздуют западные газеты и пропаганда. Скрытность – большая ошибка в этом случае.

Впрочем, даже не это главное.

Алексеев покачал головой:

– Думаю, у нас могут быть проблемы посерьезнее. Если мои предположения подтвердятся.

– Серьезнее, чем даже Третья мировая? – едко переспросил министр обороны.

– Так точно, Родион Яковлевич.

– Ну-ну.

– Товарищ министр, разрешите представить соображения?

Министр поморщился.

– Ну-ну, Ваня, – повторил он. – Давай без этих твоих. В чем дело?

Алексеев сделал шаг и положил на стол тонкую папку в дешевой канцелярской обложке, скрепленной желтыми жестяными зажимами. Министр поднял голову:

– Что это, Ваня?

– Отчет по «группе тридцать».

– И о чем мне это должно говорить?

– Лодка «К-3», Родион Яковлевич. Задание похода составлялось по докладу, представленному группой. Помните, я докладывал...

– Что вы мне голову морочите, – проворчал министр. – Ваня, у меня нервы, знаешь, не железные. Я уже вторые сутки на кофе и валокордине сижу. У меня сердце уже задергано туда-сюда. У меня тут на Северном полюсе ЧП такое, что ложись и помирай, если ты не в курсе. А ты хочешь, чтобы я сел сейчас и это прочитал?! Ты этого хочешь, Ваня?

Алексеев выпрямляется. Он высокий, даже суховатый, с жестким, подсвеченным лампами лицом.

– Так точно, товарищ министр обороны. Хочу.

Министр смотрит на него и говорит:

– Ладно.

Потом берет папку, раскрывает, пробегает глазами. Затем поднимает глаза на генерала:

– Это что вообще такое?

– Чили, товарищ министр, – отчеканивает Алексеев.

* * *

В офицерскую столовую сквозь открытые окна льется солнце, освещая столы, накрытые белыми скатертями. На каждом – ваза с цветами, синие лепестки лежат на белом сукне. Жарко. Капитан Синюгин идет к столу. Сапоги глухо стучат по деревянному полу. Он сегодня не в парадных, из хромовой кожи, а в своих полевых, кирзовых, чтобы бегать и прыгать наравне с личным составом. Любимый, бля, личный состав. Синюгин качает головой, только что вымытые руки блаженно гудят. Он сегодня набегался и напрыгался на месяц вперед. Мотострелки, блин.

Боевая учеба сегодня закончилась местным ЧП. Сколько он гонял свою роту, пытаясь вдолбить в высокобленные круглые головы хоть немного понятия о боевом маневре и тактике! Уже трое сапог стер. Так что приходится после кожаных носить кирзу, которая и тяжелее, и пропускает, зараза, воду. Сегодня один из механиков-водителей (только что с учебки) загнал БТР-152 в болото, хорошо, неглубоко. Крыши у бэтээра нет, поэтому мотострелки отделались легким испугом. И тяжелым вытаскиванием застрявшей машины. «Ох, нелегкая это работа, из болота тащить бегемота». Ноги к чертям промокли. Ну, сейчас хоть руки помыл. Теперь пожрать по-быстрому в чистоте и покое и идти дрючить орлов дальше.

Тоску разгонять.

Самое главное – с тоски люди бесятся. С тоски солдатики и пряжками друг друга лупят, и ремни затягивают так, что дышать нельзя, и еще какие забавы придумывают. Еще бы. Заперли в одном месте молодых парней, которые еще в игрушки не наигрались, и требуют чего-то. Нет, детей надо развлекать. Даже (Синюгин невесело усмехается) принудительно.

Он проходит между столов, где обычно сидят пэвэошники, дальше артиллеристы, а вот и столы «махры» – пехоты. Официантка в белом накрахмаленном передничке ему кивает, улыбается. Он тоже улыбается. Мужчина видный, даром что без половины зубов. В прошлый раз его пытались списать по здоровью (легкая лучевая, в диагнозе хотели написать: годен к нестроевой), еле уговорил. Без строевой, даже в захолустном гарнизоне, он сдуреет.

Синюгин отодвигает стул и садится. Кладет ладони на скатерть, под ними ощущение жесткой шершавой ткани.

Официантка Марина приносит первое – борщ, спрашивает, что будет на второе. Кладет ему ложку (хорошую, не алюминий, как у бойцов).

Ставит хлеб, аккуратно нарезанный.

Сквозь окна солнечный луч прорезает пространство столовой, в воздухе кружатся пылинки. Луч попадает Синюгину в глаза, он дергает головой. Жмурится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.